

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

ИДЕАЛ
ВОСПИТАНИЯ
ДВОРЯНСТВА
В
ЕВРОПЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Studia Europaea

Сборник

**Идеал воспитания дворянства
в Европе. XVII–XIX века**

«НЛО»

2018

УДК [37.02:323.311](091)(4)»16/18»
ББК 74.03(4)5

Сборник

Идеал воспитания дворянства в Европе. XVII–XIX века /
Сборник — «НЛО», 2018 — (Studia Europaea)

ISBN 978-5-4448-1033-0

С XVII до XIX века модели воспитания дворянина в Европе претерпели сильные изменения, выразившиеся в новых институциональных формах и систематизации новых практик: распространении домашнего воспитания и образовательных путешествий, известных как Гран Тур, переводе преподавания с латыни на национальные языки, введении новых дисциплин с целью дать дворянину профессиональные навыки... Важнейшим элементом и движущей силой этих изменений была постоянная и все нарастающая циркуляция идей в европейском пространстве, поэтому в книге рассматривается эволюция моделей и практик воспитания дворянства разных европейских стран. Особое внимание уделяется Российской империи: история воспитания дворянства в этой части Европы менее разработана, чем для Западной Европы, в то время как изучение таких стран, как Россия, позднее включившихся в процесс общеевропейских культурных трансферов, позволяет сделать важные наблюдения и сравнения, проливающие свет на суть этого явления на всем Европейском континенте. Каковы были цели воспитания дворянина? В какой мере можно говорить о распространенности моделей дворянского воспитания в Европе и можно ли отметить их национальную или региональную специфику? Как именно эти модели адаптируются к целям модернизации и к социальным изменениям в местном контексте? Привела ли критика, которой подвергалось воспитание дворянства, к отказу в этой среде от традиционных практик воспитания? На эти и другие вопросы авторы этой книги дают свои ответы.

УДК [37.02:323.311](091)(4)»16/18»

ББК 74.03(4)5

ISBN 978-5-4448-1033-0

© Сборник, 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Владимир Берелович, Владислав Ржеуцкий, Игорь Федюкин	6
Идеал воспитания и социальное дисциплинирование	16
Модернизация дворянского образования и дворянская идентичность	18
Образование, привилегии и социальный лифт	21
Новые тенденции: от Grand Tour и идей Руссо к критике дворянского воспитания	24
Воспитательные стратегии: какое воспитание и для какого дворянства?	27
Анни Брютер	27
Семейство Ламуаньон де Бавиль	28
Почему полезно начинать обучение в раннем возрасте	30
Противоречие двух идеалов образования?	33
Людмила Посохова	38
«Новая шляхта»: полковая и сотенная старшина	38
Гетманщины и Слободской Украины	
Стратегии воспитания казацкой старшины: реперные точки	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века

Владимир Берелович, Владислав
Ржеуцкий, Игорь Федюкин
Европейское дворянство и
эволюция его идеала воспитания

* * *

Можно ли применительно к «длинному» XVIII веку говорить о едином европейском дворянстве, было ли у дворянства различных европейских стран и регионов достаточно общего, чтобы сделать возможными сопоставления между ними?¹ Вопрос этот может показаться риторическим, но от ответа на него зависит и сама возможность – или невозможность – сравнивать образовательные идеалы дворянства европейских стран и созданные им в эту эпоху системы обучения.

Разумеется, мы не первые, кто ставит такой вопрос: начиная с Монтескье, Гизо, Токвиля и вплоть до Макса Вебера ролью дворянства в истории Европы интересовались очень многие. В их трудах вопрос о единстве европейского дворянства часто оказывался неразрывно связан с двумя другими: с вопросом о его происхождении, его романских или германских корнях и с вопросом о границах территории, которую мы готовы считать «Европой». Подъем экономической и социальной истории в XX веке поставил целый ряд дополнительных вопросов: о зарождении, развитии, хронологических и географических границах «феодализма», о характере отношений между крестьянами и сеньорами. При этом исходные проблемы ничуть не стали менее актуальными.

На протяжении последних десятилетий, впрочем, историография двигалась скорее к отказу от широких обобщений в сторону дифференциации подходов и более пристального изучения отдельных кейсов. Тем не менее потребность в обобщении как таковом никогда не исчезала, а сейчас, как кажется, опять приобретает особую актуальность – может быть, именно благодаря появлению большого числа специальных исследований. Можно отметить несколько вышедших в последние десятилетия монографий и коллективных трудов, среди которых наиболее систематической попыткой описания дворянства стал двухтомник под редакцией Хамиша Скотта². Компаративный подход просматривается и во многих более специальных работах, посвященных тому или иному «национальному» или региональному дворянству, особенно если речь в них идет о XVII и XVIII веках. При этом само понятие дворянства, которое вошло в оборот и, как казалось, раз и навсегда закрепилось в результате трансъевропейской

---

¹ О возможности сравнения в истории вообще и сопоставительного изучения дворянства разных стран в частности см.: Leonhard J., Wieland Ch. (Eds.). *What Makes the Nobility Noble? Comparative Perspectives from the Sixteenth to the Twentieth Century*. Göttingen, 2011. P. 7–8; Confino M. *Russia before the «radiant future»*. *Essays in Modern History, Culture, and Society*. New York, 2011. P. 119–122.

² Приведем несколько примеров публикаций (в хронологическом порядке): Meyer J. *Noblesse et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime*. Paris, 1973; Labatut J. P. *Les noblesses européennes de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle*. Paris, 1978; Lieven D. *The aristocracy in Europe, 1815–1914*. New York, 1992; Scott H. M. (Ed.). *The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries*. T. 1: Western Europe. T. 2: Northern, Central and Eastern Europe. London; New York, 1995; Dewald J. *The European nobility, 1400–1800*. Cambridge, 1996; Werner K. F. *Naissance de la noblesse. L'essor des élites politiques en Europe*. Paris, 1998.

циркуляции понятий именно в период Нового времени, было вновь поставлено под вопрос некоторыми историками, изучавшими его происхождение³.

Что касается российского дворянства, то вопрос о самой возможности его сопоставления с дворянством тех или иных западных стран или с западным дворянством в целом стал предметом для самых разных, зачастую прямо противоположных суждений историков и, шире, всех, кто, начиная с XVI века, на этот счет высказывался, – западных и российских путешественников, писателей, философов, вельмож, политических деятелей. Среди историков этот вопрос ставили, с конца XIX века, А. В. Романович-Славатинский и В. О. Ключевский, а позже, во второй половине XX века, Марк Раев, Майкл Конфино, Роберт Крамми, Исабель де Мадариага⁴. Конечно, российские и западные историки в принципе никогда не сомневались в существовании российского дворянства как такового. Однако относительно поздний характер его признания государями – Петром Великим в законодательном акте 1714 года, затем Петром III, освободившим дворян от обязательной службы в 1762 году, и, наконец, Екатериной II с ее Жалованной грамотой дворянству 1785 года – делал само понятие «дворянство» в России еще более неопределенным, чем в западных странах, что подталкивало к рассмотрению российского дворянства как особого случая. Заметные расхождения мнений по этому вопросу порой выливались в оживленную полемику, делая необходимым более точное определение понятия дворянства. Поэтому изучение «периферийного» российского случая в сравнительной перспективе представляет интерес не только для истории России, но и для европейской истории.

В своих «Записках», написанных в конце XVIII века, кардинал де Берни определял дворянство так:

Профессия военного или законодателя – первый отличительный признак дворянина; древность и родовитость семьи – второй; известность, добытая либо благодаря величию свершенных подвигов, либо благодаря величию заключенных брачных союзов, – третий; власть и господство над некоторой частью государства – четвертый; наконец, необходимые и основные признаки истинного и великого благородства суть чистота происхождения, состоящая в потомственном наследовании истинно благородным отцам и матерям, и достоверность происхождения, которая должна доказываться прежде всего общественным мнением, историей и, в частности, семейными документами, не внушающими подозрений⁵.

Принадлежность к военному или административному сословию, несение государственной службы, благородное происхождение, обладание властью на местном уровне, обществен-

³ См., например: *Schalk E.* From valor to pedigree. Princeton, 1986.

⁴ Укажем в качестве примера некоторые работы (в хронологическом порядке): *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; *Он же.* Курс русской истории // Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 160–185; *Ключевский В. О.* Евгений Онегин и его предки // Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 408–422; *Blum J.* Lord and peasant in Russia from the 9th to the 19th century. Princeton, 1961; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-century Nobility. New York, 1966; *Confino M.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle // *Annales E. S. C.* 1967. № 22 (6). P. 1163–1205; *Becker S.* Nobility and privileges in late imperial Russia. Dekalb, 1985. Ch. 1; *Crummey R. O.* Aristocrats and servitors. The Boyard elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 168–174; *Noblesse, État et société en Russie, XVIe – début du XIXe siècle.* Cahiers du monde russe et soviétique 1993. № 34 (1–2), см., в частности, статьи: *Confino M.* À propos de la notion de service dans la noblesse russe aux XVIIIe et XIXe siècles. P. 47–57; *Raeff M.* En guise de conclusion. P. 277–283; *Madariaga I. de.* The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // *Scott H. M.* (Ed.). The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries. T. 2. 1995. P. 223–273; *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Paris, 2001. Нужно добавить также исследования рано ушедшей Мишель Ламарш-Маррезе: *Lamarche-Marrese M.* A woman's kingdom. Noblewomen and the control of property in Russia 1760–1861. Cornell, 2002, и «The poetics of everyday behavior» revisited. Lotman, gender, and the evolution of Russian noble identity // *Kritika.* 2010. № 11 (4). P. 701–739.

⁵ *Bernis cardinal de.* Mémoires et lettres. T. 1. Paris, 1878. P. 126.

ное признание – эти выделенные кардиналом де Берни критерии по сути в сжатом виде воспроизводит и Екатерина II в ее «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (статья А1). Она пишет: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Однако приступая к рассмотрению особенностей дворянства в той или иной стране, мы неизбежно сталкиваемся с целым рядом дополнительных параметров, таких, например, как существование в данном обществе законных путей к приобретению статуса дворянина (и каких именно?); степень зависимости провинциального дворянства от монархии; сравнительная важность военной и административной профессий; иерархическое расслоение в пределах самого дворянского сословия; возможный многонациональный и многоконфессиональный характер дворянства, раскалывающий его изнутри; относительная численность дворян в каждом конкретном обществе; чрезвычайно важный вопрос о способе наследования титулов и владений; представления о дворянской чести; набор ценностей, определяющих дворянскую идентичность. Список подобных параметров может быть продолжен.

Сочетание этих различных элементов – в зависимости от эпохи, страны и относительного значения каждого из них – определяет множественность типов дворянства и позволяет проследить конкретную историю местного дворянства с присущими ему особенностями. Так, во всех европейских монархиях, даже в России, можно начиная с конца XVI века отметить усиление роли «дворянства мантии» («профессия законодателя» по Берни), но во Франции этот процесс был более широким и продолжительным, чем в любой другой стране⁶. Принуждение дворян к службе в армии в Пруссии-Бранденбурге при Фридрихе Вильгельме I весьма похоже на то, что Петр Великий делает примерно тогда же в России, сближая эти социальные группы двух стран и в некоторой степени отдаляя их от дворянства остальной Европы, традиционно сохранявшего значительную степень личной свободы. Или возьмем формирование сословия пэров (*peerage*) в Англии: хотя, разумеется, во всех европейских странах определенные круги дворянства пытались, с большим или меньшим успехом, образовать элиту элит, законодательно оформить политические привилегии местных магнатов им удалось только здесь. Подобные примеры можно было бы множить: типология дворянских сословий приобретает различный вид в зависимости от выбранных критериев описания.

Как же в этом случае обстоит дело с российским дворянством? Было ли оно «европейским»? Даже если ограничиться историками, спектр суждений достаточно широк. На одном полюсе мы находим, например, работы Майкла Конфино, утверждавшего в одной из своих статей, что российское дворянство безусловно отличалось от аналогичных сословий Центральной и Западной Европы, но не больше, чем эти сословия отличались друг от друга⁷. Однако большинство других историков (Марк Раев, Исабель де Мадариага, Доминик Ливен, следующие в этом отношении за российскими авторами XIX и начала XX века) склонны, скорее, считать, что российское дворянство стояло по отношению к Европе особняком. Не притязая разрешить этот спор, ограничимся указанием на несколько возможных путей исследования проблемы.

– *Численность и состав*. Часто пишут, что российское дворянство было крайне малочисленным, – видимо, с целью подчеркнуть контраст между этой группой и крестьянской массой. В конце XVIII века в России, исключая польские, прибалтийские области и Украину, насчитывалось 105 тысяч дворян обоего пола при общей численности населения 11 миллионов, – таким образом, доля дворянства составляла 0,95 %. Это очень небольшая социальная группа, если сравнивать с аналогичными показателями в Польше (от 8 до 10 % населения) или Испа-

---

⁶ Richet D. *Elite et noblesse: la formation des grands serviteurs de l'Etat (fin XVIe – début XVIIe siècle)* // Richet D. *De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne*. Paris, 1991. P. 163.

⁷ Confino M. *À propos de la notion de service*. P. 57; *Idem*. *Russia before the «radiant future»*. P. 119–140.

нии (4,6 %), но все же превосходящая относительной численностью французское дворянство (0,5 %)⁸. В абсолютных показателях, однако, это довольно значимая группа, и ее присутствие в обществе было вполне заметным. Уже здесь, однако, видна еще одна проблема: а кого именно мы должны включать в состав «российского дворянства» в многоциональной империи, как соотносятся между собой понятия «имперская элита» и «российское дворянство»? Даже смоленская шляхта сохраняла свою юридическую и служебную обособленность вплоть до середины, а культурное своеобразие и отдельную идентичность – вплоть до конца XVIII века, а то и позднее. Что уж говорить об украинской старшине и других этнических и конфессиональных группах! Исследование Людмилы Посоховой показывает, насколько малороссийская старшина отличалась от русского дворянства, в том числе в отношении своего образовательного идеала и стратегий. Впрочем, подобная гетерогенность дворянства Российской империи не уникальна: мы находим ее по всей Европе, от Великобритании до владений Габсбургов.

– *Дворянство и государственная служба.* Как и в других странах в тот или иной (обычно древний) период их истории, российское дворянство находилось в подчинении у монарха, служа ему и тем самым «отечеству». Надо, однако, иметь в виду, что в России, начиная с XVI века, дворяне принуждались к такой службе и, что важно, это принуждение было чрезвычайно ужесточено при Петре Великом. Подчиненное положение российского дворянства в XVII и начале XVIII века, пишет, например, Крамми, сближает его скорее с элитами Османской империи, чем с европейскими дворянами⁹. Даже после 1762 года на российском дворянстве по-прежнему лежала печать подчиненности государству, тем более, что лишь небольшая его часть могла вести «достойный дворянина» образ жизни за счет доходов от поместья, для большинства же служба в армии, в гражданской администрации и при дворе была необходимым источником средств для существования, но она также становилась и частью этоса дворянина¹⁰. По мнению некоторых историков, это положение во многом объясняет особое политическое развитие России¹¹. Впрочем, добавим мы, прусское дворянство пережило сходную эволюцию, хотя, видимо, в менее унижительной форме.

Как справедливо указывают историки, большую роль играла Табель о рангах 1722 года, которая увязывала доступ к дворянскому достоинству со службой государю, тем самым облегчая доступ недворянских элементов к этому сословию¹², в то время как в монархиях Западной Европы принадлежность к дворянству была, как иногда представляют, основана на принципе наследования. На это другие историки не менее справедливо возражают, что и в Англии, и (хотя и в меньшей степени) во Франции дворянство не было в XVIII веке закрытой кастой и постоянно подпитывалось притоком буржуазных элементов; что служба государю как источник «чести» и как моральный императив была очень важна и для западноевропейского дворянства (например, французского)¹³; наконец, что табели подобного рода были созданы в Дании, Швеции и Пруссии раньше, чем в России, которая лишь следовала этим образцам. Предполагается, что для России была характерна исключительно высокая значимость этой иерархии чинов в жизни дворян: мы привыкли считать, что чем бы дворянин ни занимался, им владела посто-

---

⁸ См.: Madariaga I. de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries. P. 249.

⁹ Crummey R. O. Aristocrats and servitors. P. 168–169.

¹⁰ Во всяком случае, никакого массового «бегства» дворянства со службы после 1762 года наблюдать не приходится. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 41.

¹¹ М. Конфино критикует редукционизм этого тезиса, сводящего этос и менталитет российского дворянства к службе монархии. См.: Confino M. Russia before the «radiant future». P. 122–123.

¹² Как напоминает Конфино, потомственные дворяне могли передавать своим детям дворянское достоинство вне всякой связи со службой. Confino M. Russia before the «radiant future». P. 125–126.

¹³ Confino M. Russia before the «radiant future». P. 130–135.

янная, доходившая до настоящей одержимости забота о восхождении по ступеням Табели. Насколько, впрочем, этот стереотип соответствует реальности, нам еще предстоит выяснять¹⁴.

– *Связь между государственной службой и владением землей.* Изначально существовавшая в любой стране, в случае российского дворянства связь эта была особенно прочной и длительной: разорвана она была, наконец, лишь при Петре Великом, когда государственная служба стала обязательной, а поместья по своему статусу сравнялись с вотчинами. Кроме того, на протяжении XVIII века дворяне требовали и наконец добились монопольного права на владение крепостными крестьянами, которые – еще одна особенность России – составляли их главное богатство. Российские монархи продолжали раздавать в награду за оказанную службу и пустые земли, и населенные поместья, и эта практика сохранялась вплоть до царствования Александра I. На протяжении всей первой половины XVIII века, однако, право владения и унаследованными, и благоприобретенными имениями не было ничем гарантировано, так что монарх мог забрать дарованное обратно. Всего с 1700 по 1755 год насчитывается 128 случаев конфискации земель осужденных или впавших в немилость сановников, в частности в результате смены государей и дворцовых переворотов¹⁵. Эта практика, прекратившаяся только с воцарением Екатерины II, была одним из главных источников беспокойства для тогдашних вельмож, в то время как в остальной Европе ничего подобного не наблюдалось.

– *Древность и титулы.* Вымирание многих древних родов, прежде всего в XVI, но также в XVII и XVIII веках, было не специфически российским явлением, а результатом естественных демографических процессов – с той оговоркой, что правление Ивана Грозного, последствия которого ощущались вплоть до Смутного времени, было в этом отношении особенно пагубным. К тому же российские государи – и в этом отличие России от той же Франции – не имели в своем распоряжении альтернативных источников кадров для государственной службы и были вынуждены искать таких людей за пределами России, особенно часто – на Украине и в присоединенных прибалтийских областях; с аналогичной практикой мы встречаемся и в других странах, а именно в монархии Габсбургов. С другой стороны, отличительной особенностью России было то, что вплоть до воцарения Петра единственными титулами, передаваемыми по наследству, были княжеские, восходившие в основном к правящим семействам Рюриковичей и Гедиминовичей. В XVIII века титул князя иногда присваивается и выходцам из низших сословий, но происходит это крайне редко: можно отметить лишь считанные примеры, причем именно в правление наиболее тиранических государей (один случай при Петре Великом, три при Павле I).

Как и всюду в Европе, в России представители аристократических родов, особенно княжеских, испытывали ностальгию по своему былому величию и враждебность в отношении выскочек – чувства, которые в ряде случаев могли выражаться открыто, как, например, в выступлении князя М. М. Щербатова на заседании Комиссии по составлению нового Уложения в 1767 году. Хотя сегодня историки и склонны делать акцент на подобных настроениях, можно предположить, что они – вероятно, из-за своего разрозненного характера и вследствие «первичной централизации»¹⁶, осуществленной в XV и XVI веках, – были не так сильны и, главное, не так активно проявлялись, как в дворянской среде на Западе. Насколько эти настроения, следы которых можно обнаружить как в частных документах, так и в проектах реформ, действительно являются эхом пережитой дворянством при Иване Грозном и при Петре Вели-

---

¹⁴ Ю. М. Лотман, основываясь прежде всего на мемуарных источниках, утверждал наоборот, что в кругах поместного дворянства, зачастую родовитого, считалось хорошим тоном демонстрировать презрение к чину. *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре.* С. 38.

¹⁵ *Madariaga I. de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries.* P. 254.

¹⁶ Выражение, использованное Андре Береловичем в работе: *Berelowitch A. Plaidoyer pour la noblesse moscovite. À propos des affaires d'honneur au XVIIe siècle // Noblesse, État et société en Russie XVIe – début du XIXe siècle. Cahiers du monde russe et soviétique 1993. P. 132.*

ком травмы, а насколько воспроизводят клише, почерпнутые из западноевропейской литературы, остается пока открытым вопросом. Кроме того, мясорубка, в которой российское дворянство побывало при Иване Грозном и при Петре Великом, в известной мере ослабила в дворянских семьях обостренное ощущение исторической преемственности, характерное для истории дворянства большинства западных стран, даже во Франции и в Англии. Документы Герольдии показывают, что в послепетровскую эпоху большинство определяющихся на службу недорослей не способны ничего сказать о своих предках даже в пределах двух-трех поколений. Впрочем, уже к середине столетия дворяне «вспоминают» своих предков, и способность назвать московские чины (но не обязательно имена) своего прадеда или прапрадеда становится довольно обычной.

– *Стратификация дворянства*. В имущественном отношении принадлежность к тому или иному слою дворянства определялась в XVIII веке размером имения, выраженным в количестве мужских ревизских душ. Если мы говорим о высшем слое, речь идет о крайне узкой (порядка одного процента) группе помещиков, владеющих более чем 1000 крепостных мужского пола каждый. При этом реальный статус дворянина определялся богатством в значительно большей степени, чем титулом и древностью рода, но таким же во многом было положение английского дворянства¹⁷. Важно, однако, помнить, до какой степени принадлежность к знати зависела от чина – в этом отношении российское дворянство представляло собой действительно крайний случай. После смерти Петра Великого, однако, сложилась и другая группа, называвшаяся *генералитетом*: она включала в себя обладателей четырех высших чинов по Табели о рангах¹⁸, образовавших подобие настоящего сословия. В то же время нет уверенности, что такая зависимость статуса от чина всегда и всюду порождала острые противоречия и вступала в конфликт с идеалом древности рода среди аристократии. Что же касается мелкопоместных дворян, имения которых не превышали 100 душ, то во второй половине XVIII века они составляли более 80 % всего сословия и большая часть из них имела не более 20 душ¹⁹. Еще более, чем для среднего и высшего дворянства, служба была для них необходимостью и единственной возможностью социального продвижения.

В культурном отношении самое бедное дворянство мало отличалось от некоторых недворянских социальных групп: иностранные путешественники в России не раз отмечали, что бедный дворянин по своему стилю жизни иногда больше походил на крестьянина, чем на дворянина. Для высших должностных лиц империи обеднение дворянства и его «недворянский» образ жизни представляли проблему²⁰. Впрочем, граница между высшим и низшим сегментами дворянства существовала повсюду в Европе и основывалась в значительной мере на культурных отличиях между ними²¹, поэтому можно поставить вопрос о реальной принадлежности низшего сегмента дворянства к благородному сословию.

– *Участие в центральном и местном управлении*. В отличие от других европейских стран российское дворянство лишь в 1785 году получило от монарха законодательные гарантии своего юридического статуса и личных «вольностей». Впрочем, никаких прав в политическом плане екатерининская грамота российским дворянам не давала, и это не то чтобы обособляло их в сравнении с другими европейскими дворянами, но все же помещало в самую нижнюю точку диапазона политического влияния, каким дворянство вообще могло располагать. Разумеется, главные должности в армии и в системе управления были в большинстве случаев монополизированы высшим дворянством, но юридическая незакрепленность политического влия-

---

¹⁷ Confino M. Russia before the «radiant future». P. 128.

¹⁸ См.: Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick NJ, 1986.

¹⁹ См. подробные данные в: Мironov B. H. Социальная история России. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.

²⁰ См. об этом: Confino M. Russia before the «radiant future». P. 129.

²¹ Leonhard J., Wieland Ch. (Eds.). What Makes the Nobility Noble? P. 13.

ния российского дворянства не позволяла ему образовать Stand в подлинном смысле слова. Административная реформа 1775 года хотя и предоставила провинциальному дворянству возможность занимать целый ряд оплачиваемых должностей в провинциях и уездах, все же не сделала его носителем политической власти на местном уровне. Безусловно, как заметил М. Конфино, российский помещик нес ответственность за свое имение или, говоря точнее, за своих крепостных, над которыми имел огромную власть, включая во многом и власть судебную²². Однако эта ответственность никак не идет в сравнение с теми полномочиями на провинциальном уровне, которыми обладали английские, австрийские, польские и другие дворяне, в том числе (несмотря на их обязательную военную службу) и прусские помещики (юнкеры). Не видим мы, как кажется, и сколько-нибудь консолидированных местных дворянских групп, которые могли бы действовать как политические акторы – самостоятельно или составляя базу поддержки (через патрон-клиентские сети) оппозиционному правительству магнатов. С этой точки зрения слабая региональная укорененность российского дворянства была в Европе уникальным явлением.

– *Имена и наследование*. В XVIII веке титулы (князей, графов, баронов) передавались по наследству всем потомкам, из которых тем самым составлялись, по меньшей мере в мужской их части, дворянские *роды*; некоторые историки даже называют такие роды кланами. В XVII веке роды проявляли исключительную активность в борьбе как за чины, так и за право наследования имений; их удивительная способность к социальному самовоспроизводству, которую мы наблюдаем в следующем столетии, еще требует изучения. Однако наряду с титулами сыновьями также наследовались в равных долях и земельные владения; при этом определенная часть отходила и дочерям. Такой обычаем наследования, который не смог поколебать даже петровский указ 1714 года, был характерен не только для российского дворянства. Мы встречаемся с ним также в Польше и в некоторых частях Пруссии-Бранденбурга. Следствием подобной практики становилось, как хорошо известно, дробление земельных владений. Поскольку дворянские семьи в России по большей части были многодетными и в них нередко было несколько сыновей, принцип равного наследования закономерно порождал способы поведения, образовательные практики, матримониальные стратегии и личные карьеры, принципиально отличные от тех, которые наблюдались во Франции или в Англии, где старший сын становился одновременно носителем титула и владельцем основного имения. В отличие от аристократов Польши, Дании, Богемии, даже Пруссии российские вельможи все же не преуспели в сохранении своих имений до такой степени, чтобы сформировать устойчивую группу магнатов (впрочем, на сегодня пока еще отсутствуют исследования, которые позволили бы нам составить ясное представление об эволюции крупных дворянских состояний). Российское дворянство пыталось противодействовать процессу измельчания имений, в частности, с помощью матримониальных союзов²³.

Этот краткий обзор позволяет нам представить общие контуры дворянства европейских стран. Среди них выделяются Восточная²⁴ и Северная Европа, где в сравнении с такими странами, как Англия, Франция, Испания, княжества и герцогства Италии, дворянство было более независимо от государства, не вполне четко оформлено в качестве сословия (Stand), а порой и ослаблено дроблением имений в результате равного наследования всеми сыновьями. В рамках этой группы стран Северной и Восточной Европы Россия, без сомнения, оказывается вполне

---

²² Confino M. Histoire et psychologie. P. 366.

²³ См. статьи Ольги Кошелевой, Павла Седова, Андрея Павлова в издании: Berelowitch A., Berelowitch W., Joukovskaia A. (Dir.). Famille et mobilité sociale en Russie, XVIe—XVIIIe siècles. Cahiers du monde russe. 2016. Т. 57 (2–3).

²⁴ Дж. Блум (Blum J. Lord and peasant) относит к этой зоне и российское дворянство.

сравнимой со своими соседями, хотя и представляет собой, начиная с XVII века, крайний случай²⁵.

Для понимания своеобразия российского дворянства следует учитывать еще несколько обстоятельств. Первое из них – его относительно изолированное положение: в отличие от любой другой европейской страны (об этой исключительной ситуации часто забывают²⁶), российское дворянство не поддерживало почти никаких связей еще с одним привилегированным сословием – православным духовенством, которое в XVIII веке перестало быть его социальным партнером, так же как церковь перестала быть для дворян одним из возможных вариантов карьеры. Второй фактор – хронологический. В России, как уже отмечалось, дворянство начало оформляться как особая консолидированная группа лишь в начале XVIII века как результат социальной инженерии Петра Великого, обязавшего дворян нести пожизненную службу. Понадобилось менее двух поколений, чтобы российское дворянство освободилось от принудительной службы и начало длительную эволюцию, в ходе которой формируется его идентичность как социальной группы. В ходе этой так и не завершенной эволюции оно осуществило – и в этом заключается третий фактор – колоссальный культурный разворот, так называемую «вестернизацию», все заметнее сближавшую его с дворянством Западной и Центральной Европы. Немаловажно, что «вестернизация» происходила с преимущественной ориентацией на дворянство двух западных стран: французское, у которого российские дворяне заимствовали модели социокультурных практик, и английское, которым они все больше восхищались и по образцу которого надеялись утвердить свой общественный и даже политический статус. Наконец, четвертый фактор – воспитание и образование, представлявшие для российского дворянства наиболее действенным, хотя и дорогостоящим инструментом «процесса цивилизации», но также и важнейшим социальным маркером²⁷. Действительно, для дворянства воспитание становится одним из главных средств показать свое культурное отличие (*distinction, distinctiveness*). Это сыграло большую роль в воспроизводстве идентичности дворянина на протяжении нескольких веков, что нельзя объяснить только традицией, успешной борьбой за ведущие позиции в обществе или сохранением социальной и экономической дистанции по отношению к другим социальным группам²⁸. Во всех этих процессах российская знать, без сомнения, играла роль главной движущей силы.

Следствием вестернизации российского дворянства XVIII века, как предположил еще В. О. Ключевский, стала его оторванность от своих национальных традиций. Этот тезис был подхвачен и развит Марком Раевым²⁹. Одной из причин этого «отчуждения»³⁰, по мнению Ключевского и Раева, было получаемое дворянством европейское воспитание³¹. Подробное изложение и критическую оценку основных тезисов книги М. Раева дал М. Конфино³², кото-

---

²⁵ «Именно это сочетание формы землевладения, семейной солидарности, принудительной государственной службы и ограниченности региональной власти и сословных прав придало российской аристократии XVII века уникальный характер». См.: *Crummey R. O. Aristocrats and servitors*. P. 174.

²⁶ Исключение составляют работы Исабели де Мадариага (*Madariaga I. de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries*. P. 269) и Роберта Крамми (*Crummey R. O. Aristocrats and servitors*. P. 169–170).

²⁷ Впрочем, не только и, возможно, не столько по отношению к другим социальным группам, сколько внутри самого дворянства, бывшего, как было сказано, весьма неоднородной социальной группой.

²⁸ *Leonhard J., Wieland Ch. (Eds.). What Makes the Nobility Noble?* P. 9–10.

²⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 160–185; *Он же*. Евгений Онегин и его предки // *Он же*. Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 408–422; *Raev M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-century Nobility*. New York, 1966.

³⁰ Alienation, как его называет Раев.

³¹ И Ключевский, и Раев обращают большое внимание на образование дворянства как ключевой для решения этой проблемы вопрос. Этому вопросу посвящена гл. 4 книги Раева (*Raev M. Origins of the Russian Intelligentsia*. P. 122–147).

³² *Confino M. Sociétés et mentalités collectives en Russie*. Paris, 1991. P. 345–387.

рый, в частности, обратил внимание на цену вестернизации³³. Как уже было сказано, во второй половине XVIII века более 80 % всех дворян в России владели не более чем сотней душ. Около 15 % помещиков владели от 101 до 500 крепостных, и 3 % всех дворян владели более 500 крепостных³⁴. Материальный уровень мелкопоместного дворянства не позволял ему мечтать об образе жизни высшего и среднего дворянства, включая воспитание детей, которое те могли себе позволить, – не только заграничные путешествия и домашних учителей, но даже частные школы или пансионы. Для низшего слоя дворянства единственной реальной возможностью получить качественное образование были государственные дворянские школы, подобные Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу, которые во многом для этой цели и создавались. Конечно, многие бедные дворяне получали какое-то образование через неформальные каналы – с помощью родственников, сослуживцев и подчиненных отца и т. д., однако об этих каналах мы знаем мало. Существовала и сеть простейших школ – цифирных, адмиралтейских, гарнизонных, – которыми пользовались в том числе и беднейшие дворяне. Ясно, однако, что этот обширнейший слой дворян не имел собственных средств на хорошее образование. Хотя, как показывают новейшие исследования, грамотность (умение читать и писать по-русски) уже в 1720–1730-х годах была нормой, а не исключением в среде российского дворянства³⁵, в подавляющем числе случаев домашнее образование дальше этой элементарной грамотности не шло³⁶. Таким образом, если, следуя за М. Раевым, говорить о дворянском воспитании как об одной из причин «отчуждения» этой социальной группы, очевидно, что речь может идти лишь о верхушке дворянского сословия, хотя, конечно, эта группа имела огромный вес в жизни страны. Тем не менее даже если ограничиться высшим и средним дворянством, тезис об оторванности дворянства от своего народа и от русской действительности является, по мнению Конфино, недоказанной и труднодоказуемой гипотезой. Дихотомистский подход, предполагающий, что невозможно сочетать воспитание по западному образцу с любовью к отечеству, страдает анахронизмом, поскольку переносит на людей XVIII века представления более позднего времени, сформировавшиеся под влиянием национальной матрицы³⁷. Можно предполо-

³³ О цене «вестернизации» для российского дворянства см. также: *Kahan A.* The Costs of «Westernization» in Russia: The gentry and the economy in the eighteenth century // *Slavic Review*. Vol. 25, 1 (1966). P. 40–66.

³⁴ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.

³⁵ Показатели грамотности и образованности, разумеется, сильно колеблются в зависимости от того, о каком периоде и сегменте дворянства идет речь. Так, А. Захаров обнаружил, что 92,5 % «царедворцев» (группа численностью около 4 тысяч человек, включавшая служилые чины стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов, но не включавшая армейских офицеров) были грамотны в 1720-х годах. *Захаров А. В.* Грамотность царедворцев в эпоху Петра I // *Вестник Пермского университета*. 2016. Вып. 4 (35). С. 24–33. По данным А. Феофанова, из явившихся в 1732–1735 годах на смотр 436 дворянских недорослей старше 15 лет, 73 % которых были из семей беднейшего дворянства (не более 20 душ), около 40 % были неграмотными. *Феофанов А. М.* Социальная мобильность дворянства Российской империи XVIII века: на примере послепетровского поколения // *Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви*. 2015. Вып. 4 (65). С. 50–57. Причем (не)грамотность дворян напрямую коррелирует с материальным уровнем семьи: только 6 % неграмотных были из семей, владевших более 20 крепостных. В то же время бедность необязательно означала неграмотность: 25 % грамотных были из безземельных семей. Там же. С. 53. Доля неграмотных дворян в этом возрастном слое могла быть ниже, так как в этой группе, например, отсутствуют дети генералитета. И. И. Федюкин, основываясь на документации «разбора» недорослей 1736 года, показал, что из 714 явившихся (из них около 82 % в возрасте от 9 до 18 лет) доля самых бедных (не более 20 душ) составляла 56 %, еще 29 % владели от 21 до 100 душ; полностью грамотными (умели читать и писать) были признаны 60 %, полностью неграмотными – 23 %. И в этом случае имущественный фактор был ключевым: 84 % неграмотных были из семей, владевших не более чем 20 крепостными; так же как в исследовании Феофанова, бедность далеко не всегда имеет следствием неграмотность: 43 % всех полностью грамотных были из таких же бедных семей. В 1745 году при весьма схожей имущественной структуре из 658 заявившихся недорослей 47 % были полностью грамотны, 23,5 % полностью неграмотны и, так же как в 1736 году, неграмотность коррелирует с бедностью. *Федюкин И. И.* Грамотность и образованность дворянских недорослей, конец 1730-х – 1740-е гг. Тезисы к выступлению на конференции «Грамотность и образованность как явления и понятия в России XVIII века» 25 апреля 2015 г., НИУ ВШЭ.

³⁶ Из 714 недорослей «разбора» 1736 года только 32 (4,5 %) заявили о наличии дополнительных знаний, помимо умения читать и писать по-русски. В 1745 году у 8 (из 658) заявивших о дополнительных знаниях медианное число душ было 354, что позволяет отнести эти семьи к среднему дворянству. *Федюкин И. И.* Грамотность и образованность дворянских недорослей.

³⁷ На ограниченность этого подхода обращает внимание и Ян Кусбер: *Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich

жить, что для русских дворян XVIII века не существовало таких четких бинарных оппозиций. Как показывает анализ языкового поведения некоторых русских дворян³⁸, они могли обладать гибридной культурой, позволявшей им актуализировать ту или иную сторону их идентичности в той или иной ситуации – активно использовать иностранные наречия и любить родной язык. М. Ламарш-Маррезе, опираясь на материал переписки и документы дворянских архивов, в одной из своих статей³⁹ также поставила под сомнение представления об оторванности российского дворянства от своей культуры, разорванности его сознания и существовании у дворянина внутреннего психологического конфликта, о чем писал Ю. М. Лотман. В публикуемых здесь исследованиях вопросы исторической психологии дворянства отходят на второй план, а главное внимание авторов, в соответствии с названием сборника, обращено на проблему создания у дворянства специфического идеала воспитания как неперемennого элемента корпоративной идентичности, способствовавшего превращению этой социальной группы в полноценное сословие.

* * *

В 2014 году в Москве была организована конференция «Идеал воспитания дворянства в Европе», которая прошла при поддержке Германского исторического института в Москве, НИУ Высшая школа экономики, Высшей школы общественных наук (EHES, Париж), Уральского федерального университета (Екатеринбург) и Центра франко-российских исследований в Москве⁴⁰. Некоторые из докладов, представленных на этой конференции, были переработаны в статьи, которые мы представляем вниманию читателей в этой книге. Это своего рода панорама традиций и новаций в воспитании дворянства ряда европейских стран (Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Россия), начиная с конца XVI и по первую половину XIX века, в которой авторы ставят ряд новых вопросов о дворянском воспитании в Европе и которые показывают, в какой степени мы можем говорить об общеевропейском явлении. Не претендуя на полноту, мы представим здесь основные темы публикуемых исследований.

---

während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004. S. 18 (сноска 57). Конечно, все сказанное не означает, что мы не встречаем в эту эпоху в дворянской среде резко критического отношения к властям, к российским обычаям и порядкам и т. д., о таких случаях хорошо известно, в том числе из материалов Тайной канцелярии и других следственных органов.

³⁸ См. пример гр. Строгановых: *Rjéoutski V., Somov V. Language Use among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov // Offord D. et al. (Eds.). French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. Edinburgh, 2015. P. 61–83.*

³⁹ *Lamarche-Marrese M. «The poetics of everyday behavior» revisited. Lotman, gender, and the evolution of Russian noble identity // Kritika. 2010. № 11 (4). P. 701–739.*

⁴⁰ Видеозаписи всех докладов, представленных на конференции, опубликованы на сайте: <http://edunob.hypotheses.org>.

Идеал воспитания и социальное дисциплинирование

Как формировались у самих дворян представления о должном воспитании детей их сословия и каковы были основные источники информации, которые они могли использовать?

Идеальное представление о воспитании дворянина развивалось или фиксировалось в самых разных текстах. О разнообразии таких источников напоминает Жан-Люк Ле Кам, который посвятил свою статью надгробным речам в Германии XVII – начала XVIII века. Этот жанр предполагал акцент на тех элементах образовательной траектории усопшего, которые вызывали одобрение в его среде. Отклонения от идеала вынуждают панегириста прибегать к риторическим приемам, которые показывают нам, какие этапы образования и воспитания дворянина выбивались из этого канона. Такие панегирики, конечно, не только фиксировали воспитательный идеал данной социальной группы, но и выполняли своего рода перформативную функцию, влияя на распространение этого идеала в дворянской среде.

В чем-то близкую функцию выполняла и пресса, которую изучают Михаил Киселев и Анастасия Лысцова. В России середины XVIII века зарождающаяся пресса активно обсуждает педагогические вопросы, причем авторы этих публикаций были в основном дворянского происхождения. Их представления о необходимости для дворян хорошего воспитания и образования не выглядят, конечно, оригинальными на общеевропейском фоне. Даже идея о вреде чрезмерного увлечения науками для дворянина, которую мы встречаем на страницах русских журналов, была без сомнения заимствована из западноевропейской прессы или воспитательных трактатов – для российской действительности того времени она вряд ли была актуальной. М. Киселев и А. Лысцова правильно указывают на западноевропейский источник этих идей, но, развивая их мысль, можно сказать, что эти публикации очевидно преследуют цель перенести в Россию и перевести на русский язык западноевропейские дебаты о дворянстве. Русские авторы, без сомнения, хотели повлиять на саму практику дворянского воспитания и валоризовать образование как важный для дворянина культурный капитал и как элемент дворянской идентичности. Несомненно при этом, что для них было значимо само появление такой дискуссии в выходящих на русском языке журналах, ведь подобные дебаты были важной частью интеллектуальной жизни в ряде европейских стран. Известно, какую роль представлению русской литературы на главных европейских языках отводил фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов, для которого наличие национальной литературы на языке страны было знаком цивилизованного характера общества. Вероятно, появление публикаций о воспитании дворянства в русских журналах этой эпохи следует рассмотреть и как элемент саморепрезентации империи, рассчитанный не столько на иностранцев, сколько на самих русских дворян и усиливший их чувство принадлежности к европейскому культурному пространству. Показательно, что ряд авторов, о которых пишут М. Киселев и А. Лысцова, принадлежали к близкому окружению Шувалова.

Как показывает Владислав Ржеуцкий, помимо прессы, российское дворянство имело – по крайней мере в теории – доступ к многим другим источникам идей о дворянском воспитании. Можно упомянуть и законодательные акты, и уставы учебных заведений, которые в России публиковались иногда значительными тиражами и в которых читатель мог найти концентрированное представление властей о должном воспитании дворянина. Воспитательные трактаты и другие произведения западноевропейской литературы, такие как «Истинная политика знатных и придворных особ» (русский перевод вышел в 1737 году, переизд. 1745 года), знаменитые «Приключения Телемака» Фенелона (1747), «О воспитании детей» Локка (1759, 1760, 1788) и «Эмиль» Руссо, были хорошо известны в России как в переводах, так и в оригинале. Наконец, для дворянских семей регулярно составлялись «воспитательные планы» (*plans d'éducation*),

хотя позволить себе заказывать такие планы могли лишь весьма состоятельные представители сословия.

Конечно, учебные заведения для дворян также транслировали определенный идеал дворянского воспитания и стремились воспитывать у учеников соответствующие качества. Как показывает Людмила Посохова, через украинские коллегиумы, в которых выходцы из дворянства – слободской и гетманской старшины – составляли значительный процент учеников, иезуитский идеал *Ratio Studiorum* и латинское образование распространялись в среде казацкой старшины. Коллегиумы нередко поставляли учителей в дворянские семьи, что позволяло воспроизводить эту модель образования. Одной из миссий Кадетского корпуса в Петербурге и Терезианума в Вене было воспитание учеников в верноподданническом духе, а также сближение ключевых групп дворянства этих империй: в этом видели залог устойчивости государства. В России эта политика проводилась при помощи нескольких инструментов: сыновья представителей национальных элит империи целенаправленно определялись в Корпус, где кадеты, представлявшие две главные группы российского дворянства – русских и прибалтийских немцев, должны были изучать язык друг друга. Таким образом, речь не шла об односторонней русификации национальных элит.

Систему взглядов на дворянское воспитание, которая реализовывалась в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, только с некоторой долей условности можно считать продолжением государственной политики. Речь идет не только о программе обучения (выбор дисциплин, содержания и методов преподавания), но и о контроле над поведением отпрысков дворянских фамилий. Это должно было помочь цивилизовать сословие, которое в период создания Кадетского корпуса (1731) не отличалось светским лоском. Как показывает Игорь Федюкин, эта система была введена благодаря первым руководителям корпуса, в частности Х. Б. Миниху. Речь шла о наборе мер контроля, поощрения и наказания, имевших целью регламентацию поведения молодых дворян и создание у них эмоциональных шаблонов, приличествующих благородному человеку. Кадеты, которые вели себя не подобающим дворянину образом и могли дать пример дурного поведения другим ученикам, нередко удалялись из заведения. О контроле над воспитанием дворянства как средстве социального дисциплинирования пишет и Майя Лавринович. Как известно, при Екатерине II в России было основано учебное заведение для девочек, известное как Смольный институт, с отделениями для дворянок и недворянок. Однако это учебное заведение, конечно, не могло решить проблемы женского образования и формирования определенных культурных рефлексов даже в рамках дворянского класса, поэтому домашнее воспитание еще долгое время будет оставаться господствующей формой получения образования для девочек в дворянских семьях. Хотя власти без одобрения смотрели на неинституциональные формы образования дворянства, которые казались им подозрительными в идеологическом, а иногда и моральном отношении, они не могли полностью изжить эту форму получения образования. Стремлением контролировать данную сферу объясняется создание класса наставниц по инициативе императрицы Марии Федоровны в России в начале XIX века, о котором рассказывает М. Лавринович. Провинциальное дворянство рассматривало этих наставниц как носительниц столичного воспитания и «правильных» знаний и умений. Тем самым должен был обеспечиваться трансфер из столицы в провинцию определенной модели воспитания под чутким контролем властей.

Модернизация дворянского образования и дворянская идентичность

Русское дворянство начала XVIII века и французское дворянство XVII века объединяет одна общая черта – нежелание получать полноценное образование. Именно так нередко представляли и представляют еще и сегодня дворянство этой эпохи, и в какой-то степени это верно. Однако Андреа Бруски и Анни Брютер уточняют картину, что позволяет несколько иначе взглянуть на историю образования благородного сословия во Франции. Действительно, дворянство «мантии», ориентированное на профессии, требовавшие специальной подготовки (например, судебскую), на заре Нового времени чаще получало формальное образование, чем дворянство «шпаги», которое ориентировалось на военные профессии. Однако и для дворянства шпаги времена менялись: усложнение методов ведения войны и военной техники требовало более основательной подготовки. Получать ее в рамках традиционной системы образования, основанной на обучении на латинском языке (например, в иезуитских коллегиумах), было трудно. Педагоги, размышлявшие о путях развития дворянского образования, отмечали, что на изучение латинского (который считался сложным языком) уходили лучшие годы дворянских отпрысков, которые могли быть посвящены овладению дисциплинами, необходимыми для последующей профессиональной жизни. В этой ситуации перевод преподавания на родной язык ученика был альтернативой латинскому образованию. Школа Николя Ле Гра, основанная в г. Ришелье во Франции в 1640-х годах, о которой пишет А. Бруски, является ранним примером этой озабоченности о способах приобретения дворянством профессиональных знаний и навыков и изучения живых языков. Как показывает Бруски, языки отныне были не просто отдельными предметами, а частью широкой продуманной учебной программы.

Переход на французский как основной язык обучения в этой системе был важен не только потому, что позволял ускорить процесс образования и сделать его более приятным для ученика, но и потому, что общение – как письменное, которому Бруски уделяет особое внимание, так и устное – занимало все более важное место в дворянской идентичности. Поэтому овладение французским и письменные упражнения в нем с использованием соответствующих риторических оборотов позволяли подготовить молодого дворянина к одному из важнейших видов его деятельности. Интересно, что обучение на французском связывалось именно с вежливостью, обучение же на латыни, как считали противники латинизма, вело к педантизму и грубости. Эту связку – может быть, более воображаемую, чем реальную – надо, вероятно, объяснить тем, что высокопоставленные дворянские семьи из числа военных вели активную придворную жизнь, а при дворе хорошие манеры и умение хорошо изъясняться по-французски были необходимым культурным капиталом. Примерно в середине XVIII века французский становится неотъемлемой частью дворянского идеала образования и в России. При этом другие социальные группы – духовенство и, в меньшей степени, те, кого принято называть разночинной интеллигенцией, – живыми языками, и французским в особенности, владели хуже, чем дворянство (во всяком случае дворянство, получившее воспитание), что привело к ощутимому языковому, а значит, и культурному разрыву между этими ключевыми социальными группами. Этот разрыв в России был существенно больше, чем в ряде стран Западной и Центральной Европы⁴¹.

При этом, как показывают и Бруски, и Брютер, латинская образованность все-таки полностью не сдала свои позиции: в школе Ле Гра латинский преподавался, учили его и в семье магистратов Ламуаньон, которой посвятила свое исследование А. Брютер. Аналогичную ситуацию мы видим в колледже Кутелли на Сицилии, о котором рассказывает Катерина Синдони. Более

---

⁴¹ Об этом см.: *Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat // Rjéoutski V., Frijhoff W. (Eds.). Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance. Amsterdam, 2018. P. 169–189.*

ранние проекты создания учебных заведений для дворянства на Сицилии находились под сильным влиянием иезуитской педагогической модели *Ratio Studiorum*. В колледже Кутелли, однако, вводят иностранные языки и каноническое и гражданское право, необходимые для профессиональной подготовки будущих членов правящего класса, а латынь отходит на второй план по сравнению с учебными заведениями иезуитов, где она была стержнем всего обучения. На место латыни приходит теперь итальянский язык. Однако и здесь латынь не уходит полностью со сцены, поскольку в колледже она играла некоторую роль в профессиональной подготовке будущих юристов. Примечательно, впрочем, что некоторая модернизация образовательного идеала дворянства, которую мы видим на примере этого учебного заведения, не предотвратила в XIX веке потери традиционной элитой контроля над многими сферами жизни на Сицилии.

Аналогичную тенденцию мы видим в России, с той только разницей, что до конца XVII века здесь не существовало традиции изучения латыни дворянством, поэтому не было и сопротивления преподаванию живых иностранных языков. Попытка ввести латынь в число важных для дворянства предметов, предпринятая в Кадетском корпусе в Петербурге, так и не дала ощутимых результатов. В преподавании разных дисциплин в Корпусе использовались иностранные языки (немецкий и позже французский), которые в каком-то смысле заняли в образовании российского дворянства место, которое латынь занимала в образовании дворянства ряда европейских наций. Поэтому сформулированный Иваном Бецким в 1760-х годах призыв перевести все обучение дворянских отпрысков на родной язык, то есть прежде всего на русский, соответствовал новейшим тенденциям в образовании западноевропейского дворянства.

Модернизация образования подразумевала, конечно, не только изучение живых иностранных языков и перевод преподавания на родной язык, но и включение в программу новых дисциплин, ориентированных на профессиональную подготовку, или образование новых учебных заведений с модернизированным курсом «наук». Как показывает Ольга Хаванова, венский Терезианум находился одновременно под управлением иезуитов и под патронажем королевско-императорского двора; таким образом, с неизбежностью происходило столкновение разных образовательных идеалов. Венский двор имел, конечно, больше веса в определении учебной программы этого заведения и настаивал на включении дисциплин, которые должны были способствовать созданию в монархии высококвалифицированной бюрократии, в частности естественного права, политико-камеральных наук, с использованием в преподавании немецкого языка, который Мария Терезия хотела сделать главным языком своей бюрократии, вместо традиционного использования латыни. То же стремление к модернизации традиционной иезуитской модели через включение дисциплин, которые интересовали дворянство, мы видим и в украинских коллегиумах, о которых пишет Л. Посохова.

Вопрос о профессионализации оказывается актуальным во второй половине XVIII – начале XIX века и применительно к домашнему образованию, которое было в России главной формой обучения знати, не горевшей желанием сажать своих отпрысков за одну парту с детьми бедных помещиков. Как показывает В. Ржеуцкий, одним из упреков высшему дворянству была как раз недостаточная профессиональная ориентированность дворянского образования, стремление ограничиться дисциплинами, образовывавшими ядро модели, которую один из ее критиков, доктор Антониу Рибейро Санчес, называл «французским воспитанием» – танцами, музицированием, верховой ездой... Эти «дворянские искусства» занимают важное место в образовании дворянства по всей Европе. Они не входили в *Ratio Studiorum*, однако для дворянина, во всяком случае для семей видного дворянства, они представляли интерес, так как являлись частью культурной идентичности благородного человека и были необходимы в придворной жизни. Противопоставление «дворянских искусств» и профессиональной подготовки, которое мы видим в некоторых воспитательных планах, составленных выходцами из

буржуазной среды для российской аристократии во второй половине XVIII века, очевидно, не было неразрешимым: и в Терезиануме в Вене, и в Кадетском корпусе в Петербурге «дворянские искусства» сочетаются с изучением дисциплин, ориентированных на профессиональную подготовку будущего слуги отечества. Однако такая критика в отдельных случаях приводила к отказу от дворянской программы воспитания в ее чистом виде, что мы видим в плане, написанном кн. И. Барятинским для своего сына. В других же семьях, как, например, у гр. Строгановых, несмотря на растущую – даже в рамках домашнего обучения – профессионализацию и перевод образования на родной язык, сохраняются многие традиционные элементы дворянского воспитания и образа жизни. Это проявляется не только во внимании, уделяемом «дворянским искусствам», но и в том месте, которое во внутрисемейном общении занимает французский язык.

Образование, привилегии и социальный лифт

В России идея полезности образования для дворянского сословия уже в XVIII веке нередко связывалась с представлением об образовании как условии карьерного роста. За этим меритократическим взглядом на карьерные возможности дворянства стояли, как полагают М. Киселев и А. Лысцова, относительно небогатые и незнатные дворяне. Таким образом, помимо влияния западноевропейского контекста, в этой дискуссии видна и российская специфика: относительно небогатое, но образованное дворянство не только мысленно возвышало себя над непросвещенным мелким дворянством, но и смело мечтало о конкуренции с вельможами за влияние и должности на государственной службе. Речь, конечно, шла только о претензиях в публичном пространстве, политически пока никак не подкрепленных. На уровне высшей бюрократии Российской империи такие идеи защищал И. И. Шувалов, сам происходивший из среды среднего дворянства. Он был сторонником принуждения дворянства к получению хорошего образования. Как показывают Киселев и Лысцова, Шувалов не смог добиться законодательного оформления этих идей, поскольку в конце елизаветинского царствования его влияние при дворе уменьшалось на фоне болезни императрицы, а царствование Петра III, когда он снова приобрел большое влияние, было слишком скоротечным. Однако сами по себе эти инициативы свидетельствуют как о новом, европейском понимании места образования в дворянской культуре, так и о государственном подходе этого вельможи, видевшего роль образования в создании эффективной бюрократии. При этом Шувалов не готов был поступиться приоритетным правом дворянства на занятие высших государственных должностей: его предложения сводились к уравниванию шансов на продвижение по карьерной лестнице для представителей мелкого и крупного дворянства, но не для других сословий⁴².

Многие европейские общества в это время двигались уже в сторону модели, основанной на реализации меритократического принципа для всех, а не только для дворян, хотя скорость этого движения была разной в разных частях Европы. Некоторые авторы из дворян признавали за выходцами из любых сословий, получившими соответствующее образование, право конкурировать с представителями благородного сословия за государственные должности. Для России XVIII века подобные идеи были совершенной утопией, однако на практике именно это происходило в некоторых европейских странах. На венгерском примере это показано в статье Виктора Каради. В России наследственное дворянство сохраняет господствующее положение и в армии, и в государственном аппарате, по крайней мере до середины XIX века, а в высших органах власти – до 1917 года. С 1755 по 1850 год доля дворян среди чиновников всех уровней в России уменьшилась всего с 50 % до примерно 44 %, однако количество чиновников росло невероятными темпами в этот период: примерно на 4000 %. Только во второй половине XIX века происходит существенное понижение доли дворян в бюрократии до примерно 30 %⁴³. В Венгрии, о которой пишет В. Каради, развитие государственной службы шло в сторону сокращения социальных привилегий дворянства и расширения социальной базы чиновничества, особенно после отмены в 1840-х годах исключительного права дворян занимать государственные должности.

В этих условиях растет значение университетского образования для дворян, отражая их стремление адаптироваться к меняющемуся миру, в котором профессионализация становится условием удержания своих социальных позиций. Интерес к университету повышается

---

⁴² О дальнейших попытках увязать карьерные перспективы дворян с получением образования, связанных с деятельностью Михаила Сперанского, уже в начале XIX в., см., в частности: *Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich*. S. 16.

⁴³ *Becker S. Nobility and privilege in late Imperial Russia*. Northern Illinois, 1985. P. 108–109. Немного отличаются данные Б. Миронова: 58 % в 1755 г., 26 % в 1897 г. *Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну*. Т. 2. СПб., 2015. С. 491.

у дворянства в самых разных частях Европы. Так, во второй половине XVIII века, как показывает Л. Посохова, украинская старшина все чаще отправляет своих отпрысков учиться как в Московский университет, так и в германские университеты. Хотя материальные возможности семей не всегда позволяли им реализовать такие стратегии, университетское образование становится частью образовательного идеала украинского дворянина.

В России интерес дворянства к единственному университету страны, Московскому, вплоть до XIX века был весьма ограниченным. До 1770-х годов университет вообще был больше разночинным по социальному происхождению его студентов; после открытия в 1779 году Благородного пансиона при университете число студентов из дворян увеличилось, но до учебы собственно на университетской скамье дело, как правило, не доходило. Согласно собранным Александром Феофановым данным, сыновья высших армейских чинов (первые три класса по Табели о рангах) обходили стороной не только Московский университет, но даже традиционные дворянские школы, такие как Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Петербурге, в котором им пришлось бы учиться бок о бок с шляхетной мелкотой. Они предпочитали домашнее образование, обучение за границей (нередко в университетах германских земель, Лейдена и Страсбурга), а также в элитном Пажеском корпусе⁴⁴. Указ 1809 года подтолкнул дворян к университетскому образованию, ставшему условием получения определенного чина и занятия должностей в государственном аппарате⁴⁵. В результате в первые годы после окончания войны 1812 года количество студентов из дворян в Московском университете хотя и оставалось небольшим в абсолютных цифрах (около 150 человек за период с 1813 по 1817 год), в процентном отношении к остальным группам оказалось огромным, достигнув, по данным А. Феофанова, 70 %. Среди них примерно в равной степени были представлены семьи военных офицеров и чиновников, число же студентов из семей титулованного дворянства было минимальным⁴⁶. В 1823 году среди поступивших в университет студентов дворяне в процентном отношении составляли лишь 52 %, что связано с притоком в университет разночинцев после 1820 года⁴⁷. Однако на такой широкой просопографической базе, как в публикуемом здесь исследовании В. Каради, детальный анализ роли университетов в образовательном идеале дворянства в России XIX века пока не проводился. Поэтому мы не вполне представляем себе, как социальные траектории дворянства соотносились в России с образовательными предпочтениями других социальных групп.

При абсолютном увеличении количества студентов из венгерского дворянства в австрийских университетах В. Каради отмечает уменьшение доли дворян среди общего числа венгерских студентов в университетах Австрии. Это объясняется увеличением количества студентов из недворянских сословий – следствие прежде всего изменений на рынке труда и развития «свободных профессий», для занятия которыми не обязательно было быть дворянином. В отличие от простолюдинов дворян, конечно, больше привлекали военные учебные заведения, тогда как представители недворянских сословий чаще выбирали политехнические и коммерческие специальности и медицину, которые мало привлекали дворянство. Что касается богословия, то для высшей аристократии ее изучение не было интересным (поскольку для магнатов карьера в Церкви не могла быть привлекательной), но представители мелкого дворянства более охотно поступали на богословский факультет (хотя скорее в германских университетах).

---

⁴⁴ Данные статистического и просопографического анализа, представленные А. Феофановым на конференции «За границами традиционной историографии образования в России» (Германский исторический институт в Москве, 27–28 января 2017 г.).

⁴⁵ Указ от 6 августа 1809 г. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 30. № 23771. С. 1054–1055. Для производства в чин коллежского асессора отныне нужно было представить свидетельство одного из университетов о том, что соискатель «обучался в оном с успехом в науках».

⁴⁶ Феофанов А. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М., 2011. С. 58–59.

⁴⁷ Там же. С. 67.

Интерес к богословским факультетам сближал в Венгрии образовательные идеалы мелкого дворянства и простолюдинов, тогда как магнаты обычно изучали науки, искусства и право. Это, конечно, резко отличается от ситуации в России, где для дворянина церковная карьера была вещью немыслимой, что определило и социальный профиль учащихся соответствующих учебных заведений⁴⁸.

В целом, как подчеркивает В. Каради, эти данные хорошо иллюстрируют процесс перехода венгерского общества от феодальной модели к современному национальному государству. В меритократической в своей основе системе приобретаемый образовательный капитал становится для недворянских социальных групп важным преимуществом, позволяющим им претендовать на интеграцию в экономическую и даже, до некоторой степени, в политическую элиту Венгрии. Учитывая этнические различия – преобладание мадяров среди дворянства и немцев, словаков и евреев среди буржуазии и среднего класса, – в случае Венгрии можно говорить об этносоциокультурной поляризации общества.

---

⁴⁸ Хотя в петровское время и в 1730-х годах некоторое число дворян учились в Славяно-греко-латинской академии, эти случаи остаются исключительными. См.: *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // *История СССР*. Т. 3 (1959). С. 140–147.

Новые тенденции: от Grand Tour и идей Руссо к критике дворянского воспитания

Далеко не всегда просто определить, что более повлияло на распространение тех или иных практик воспитания дворянства – теория, человеческие контакты или изменение общекультурного контекста. Хорошим примером процесса распространения педагогических идей и практик воспитания является *Grand Tour*.

Как показывает Альбрехт Буркардт, вплоть до конца XVI – начала XVII века в трактатах и учебниках о дворянском воспитании мы не находим позитивных оценок роли путешествия в образовании аристократа, а в XVII веке таковые уже присутствуют повсеместно. Оформление этой идеи происходит, вероятно, одновременно с появлением нового идеала придворного. Согласно Норману Дуарону, этот идеал кардинально отличался от идеала рыцаря: если в конце Средних веков к рыцарским странствиям относились весьма негативно, представляя их как бессмысленные скитания, то в идеале придворного путешествиям отводится важное место. По мысли А. Буркардта, сыграла свою роль и смена парадигмы, влияние Возрождения и, в частности, идей Макиавелли: к приобретению опыта и к поиску знаний уже не относились с таким подозрением, как раньше.

Начиная с этого времени опыт образовательного путешествия, пребывания при зарубежном дворе или учебы в удаленном университете, как пишет Ж.-Л. Ле Кам, «отличал дворянство от других социальных групп и вместе с кровью, доблестью и древностью рода составлял основу его претензий на превосходство в обществе». Как показывает в своей статье А. Буркардт, в Германии XVII века представители патрициата также ориентируются на этот образовательный идеал и включают путешествия в свою образовательную траекторию, обосновывая тем самым собственные претензии на роль «городского дворянства». Эта европейская практика достигла России с некоторым опозданием – примерно в середине XVIII века. Учитывая большую неоднородность дворянского сословия в России – как в материальном, так и в культурном отношении, – неудивительно, что *Grand Tour*, требовавший значительных финансовых затрат и связей, не нашел здесь широкого распространения, но укоренился в сравнительно узком кругу аристократии, став визитной карточкой этой группы, отличавшей ее от более низких дворянских слоев. Как показывает в своей статье Владимир Берелович, для этого достаточно узкого социального круга были характерны клановость, сочетание обращенности к Европе с любовью к отечеству, сознание своей социальной и культурной миссии. Внимание, которое эти семейства обращают на организацию образовательного путешествия, в частности на поиск достойного наставника и разработку маршрута и деталей образовательной и воспитательной программы, значительные финансовые средства, расходуемые на подобные путешествия, – все это показывает, что *Grand Tour* серьезно повлиял на воспитательный идеал высшего дворянства в России.

В. Берелович замечает также, что в конце 1780-х годов в России модель европейского образовательного путешествия, судя по всему, теряет для многих свою привлекательность. В это время часть дворянства отходит от традиционной модели, строго кодифицированной и основанной на принуждении и постоянном контроле, и начинает интересоваться новыми тенденциями в воспитании, которые строятся на иных принципах. Конечно, изменения происходят не в одночасье, и старые формы иногда причудливо сочетаются с новыми, как это можно видеть на примере ряда дворянских семей в России, например семьи княгини Н. П. Голицыной, как это показано в статье В. Ржеуцкого.

Одной из таких новых идей, получивших некоторое распространение в среде высшего дворянства, стала идея дружбы как воспитательного идеала, которую на русском материале исследует Виктория Фреде. Автор прослеживает усвоение некоторыми представителями российского дворянства идеи дружбы между воспитателем, воспитуемым и родителями ученика,

получившей достаточно широкое отражение в педагогической литературе века Просвещения, прежде всего в знаменитом «Эмиле» Руссо. На примере общения молодого графа Павла Строганова со своим отцом графом Александром Строгановым и воспитателем Жильбером Роммом В. Фреде показывает, каким образом эта модель привилась в России. Ромм и Строганов-старший были адептами этого нового для России воспитания, основанного на усвоении сентиментального языка как способа не только выражения, но и формирования чувств. Эта модель шла, однако, вразрез как с придворными обыкновениями – и, действительно, она порицалась придворными, которые знали об «опытах», проводившихся в семье Строганова, – так и с традиционным подходом к воспитанию дворянина, основанным на авторитете и власти воспитателя, на контроле за учеником, применении символического и, в отдельных случаях, физического насилия и других наказаний. Именно такое воспитание было наиболее распространенным в России на протяжении всего XVIII века, не исключая и царскую семью⁴⁹.

В статье В. Ржеуцкого показано, что многие гувернеры, работавшие в семьях русского дворянства, были проводниками этих новых тенденций и критиками не только традиционного воспитания аристократа, но и самого образа жизни придворного. Порицанию подвергаются самые разные стороны воспитания: набор предметов для изучения, часть которых эти гувернеры считали по меньшей мере бесполезными, а подчас и вредными, – это, как правило, поэзия, литература, иногда даже история, которые следует заменить точными или более практическими дисциплинами, ведущими к получению профессии; «развращающее» влияние театра, от которого следует защитить воспитанников; вредные застольные разговоры придворных, при которых могут присутствовать дети. Авторы воспитательных планов критикуют и саму философию образовательного путешествия, которое, в соответствии с предписаниями Руссо, должно быть средством познания мира, а не завершения учения, начатого по книгам, и которое должно познакомить молодого дворянина прежде всего с его родной страной, в то время как обычно маршрут *Grand Tour* проходил по зарубежным странам... Не случаен, хотя в чем-то парадоксален тот факт, что эти изменения идеала воспитания дворянина находят понимание – впрочем, относительное – в некоторых семьях высшего дворянства, близкого ко двору, в то время как придворное общество в целом, как было сказано, обычно не поддерживало такие педагогические новинки и эксперименты⁵⁰. Дело, разумеется, в том, что именно высшее дворянство имело возможность путешествовать по Европе, знакомиться с новыми веяниями в педагогике и приглашать на службу гувернеров, обладавших хорошим образованием и нередко исповедовавших демократичные взгляды на воспитание.

Тема реформирования сферы образования дворянства затронута и в статье Виттории Фиорелли, которая изучает либеральный образовательный проект в Неаполе первой половины XIX века. Целью этого проекта было, с одной стороны, сделать публичную сферу доступной женщинам нового правящего класса, а с другой стороны, создать в одном из центров недавно возникшего Итальянского королевства современную модель учебных заведений для девочек, причем не только аристократок, но и представительниц буржуазного сословия.

Критика старой модели образования дворянства, помимо общественной жизни, находила выражение в беллетристике. В русской литературе начиная с середины XVIII века мы видим немало произведений, где те или иные аспекты традиционного воспитания русского дворянина подвергались порицанию. Одним из поздних примеров отражения общественной полемики о воспитании дворянина в России может служить повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840). Как показывает в своей статье Дмитрий Редин, живописав весь цикл воспитания дворянина,

---

⁴⁹ См. об этом: Vochtchinskaïa N., Rjéoutski V. La Harpe éducateur des princes // Rjéoutski V. (Dir.). Quand le français gouvernait la Russie. Paris, 2016. P. 201–219.

⁵⁰ Разумеется, некоторые из этих изменений придворное общество не могло игнорировать, например изменение взгляда на полезность тех или иных языков в дворянском воспитании: в конце XVIII века внуки Екатерины II, как и российское дворянство в целом, не учат латынь, а основной упор делают на французский и немецкий.

Соллогуб указал на несоответствие этого воспитательного идеала новым потребностям времени.

* * *

Несмотря на ряд отличий российского дворянства от дворянства других стран Европы, о которых было сказано выше, в области образования и воспитания мы видим между ними немало параллелей. Это касается и модернизации обучения, и роли ряда дисциплин в оформлении особого аристократического идеала воспитания, и растущего интереса дворянства к университетскому образованию... В рассматриваемый период мы имеем дело с невероятно быстрыми культурными изменениями дворянства в России, по крайней мере его среднего и высшего сегмента, которые шли в направлении сближения с дворянством главных европейских стран. Эти изменения происходят на фоне громких успехов русского оружия и территориальной экспансии Российской империи, признания страны в Европе как одного из главных игроков европейской политики, быстрого развития ее экономики и т. д. Этот контекст дает российскому дворянству ощущение стабильности и уверенности в себе, а европейская направленность культурной политики и политического дискурса российских монархов способствует быстрейшему проникновению в дворянскую среду западных моделей дворянского воспитания.

Конечно, в большом числе случаев можно говорить о сравнительно позднем появлении в России этих идей и практик дворянского воспитания и об их заимствованном характере. Это касается и места «дворянских искусств», и изучения иностранных языков, и роли *Grand Tour*... Эта констатация, казалось бы, с неизбежностью должна привести нас к старому вопросу о неорганичности культуры российского дворянства, впервые сформулированному, как известно, еще литераторами XVIII века, а позже развитому рядом историков. Не предлагая поставить точку в этой дискуссии, мы хотели подчеркнуть высокую степень интериоризации частью российского дворянства моделей поведения европейского дворянина и превращение европейского дворянского воспитания в неотъемлемую часть культурной идентичности русского дворянства, которое не только хотело стать европейским, но и чувствовало себя и во многих случаях было таковым. Это ощущение принадлежности к европейской дворянской корпорации, которое мы видим на многих индивидуальных примерах, могло – вполне органичным образом – сочетаться с любовью к отечеству.

Воспитательные стратегии: какое воспитание и для какого дворянства?

Анни Брютер

Дворянство шпаги и дворянство мантии во Франции XVII века: два идеала образования?

Во Франции, как и во многих европейских странах, построение абсолютистского государства привело к возникновению нового типа дворянина, служившего королю в качестве судейского чиновника (магистрата). В 1604 году магистраты получили право завещать свою должность и чин сыновьям в обмен на выплату особого налога («полетты»), превращаясь тем самым в наследственных дворян. Их называли «дворянами мантии» в отличие от остальных дворян, которые служили королю на поле боя и, соответственно, назывались «дворянами шпаги». Силились ли два разных дворянства в одну социальную группу в отношении образа жизни и культуры после того, как судейские должности стали наследоваться, или же каждая из этих групп продолжала жить и думать по-своему? Этот вопрос, ставший предметом многочисленных исследований, и все еще вызывает споры среди историков.

Возможно, ответить на него поможет изучение образования, которое они давали своим детям: именно в нем долгое время заключалось одно из главных различий между дворянством шпаги и дворянством мантии. С одной стороны, многие дворяне шпаги в рассматриваемую эпоху отрицательно относились к изучению гуманитарных наук⁵¹ и оставались малообразованными, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы на их невежество, раздававшиеся в конце XVI – начале XVII века⁵². В 1630 году Никола Фаре сетовал, что при королевском дворе было «немало этих дурных голов, которые по глупости и грубости своей не могут представить, что дворянин может одновременно быть ученым человеком и воином»⁵³. С другой стороны, глубокие познания в латинском и римском праве помогали в XVI веке выходцам из буржуазии сделать судейскую карьеру и временно получить дворянский статус. Став благодаря «полетте» наследственными дворянами, они могли, по словам Пьера Бурдьё, соединить господство, легитимированное культурным капиталом, как у священников, и господство, основанное на государственной службе, как у дворян шпаги⁵⁴. Тем не менее, хотя французским дворянам мантии были посвящены многочисленные труды⁵⁵, вопрос их образования на протяжении XVII века

---

⁵¹ См., например: Succintz adversaires de Charles de La Ruelle, escuyer, sieur de Mavault, prévost d'hostel du Roy au voyage de Pologne, contre l'histoire et professeurs d'icelle. Poitiers, 1574.

⁵² Франсуа де ла Ну в своих *Политических и военных рассуждениях* сетовал на недостаток учености у нижнего слоя дворян шпаги и рекомендовал королю принять меры для их обучения: *Noue F. de la. Discours politiques et militaires*. Bâle, 1587 (1-е изд.). Тома Пеллетье в 1604 году также отметил, что «большинству дворян сегодня кажется, что самая отличительная черта галантного дворянина – не знать ничего» («[...] il semble aujourd'hui à la plupart de la Noblesse que la marque essentielle d'un galant gentilhomme est de ne rien savoir»). См.: *Pelletier T. La nourriture de la noblesse, où sont représentées, comme un tableau, toutes les plus belles vertus, qui peuvent accomplir un jeune gentilhomme*. Paris, 1604. P. 18.

⁵³ «Il est certain que le nombre n'est pas petit dans la Cour de ces esprits malfaits, qui par un sentiment de stupidité brutale ne peuvent se figurer qu'un Gentilhomme puisse être sçavant & soldat tout ensemble». См.: *Faret N. L'Honnête homme ou l'art de plaire à la cour*. Paris, 1630. P. 45.

⁵⁴ Bourdieu P. *La noblesse d'État. Grandes écoles et esprit de corps*. Paris, 1989; английский перевод: Bourdieu P. *The State Nobility. Elite Schools in the Field of Power*. Stanford (Cal.), 1998. P. 378.

⁵⁵ См. большую (хотя и не совсем полную) библиографию в работе: Haddad É. Introduction. *La robe comme observatoire des évolutions de la noblesse // Descimon R., Haddad É. (Dir.). Épreuves de noblesse: les expériences nobiliaires de la haute robe parisienne, XVIe—XVIIIe siècle*. Paris, 2010. P. 13–26.

так и не стал предметом отдельного исследования, а недавние книги и статьи, посвященные образованию дворян во Франции в раннее Новое время, рассматривают эту тему лишь мимоходом. К примеру, в самом конце своей монографии об образовании детей из аристократических семей во Франции XVII века Марк Мотли задается вопросом: а следовали ли дворяне мантии примеру аристократии в вопросах образования?⁵⁶ Возможно, этот вопрос не удостоивался подробного рассмотрения, поскольку ответ казался очевидным: как хорошо известно, стать адвокатом или судьей можно было лишь при наличии университетского диплома, что, в свою очередь, требовало изучения философии в университетском коллегииуме. Вместе с тем покупка университетского диплома без посещения каких-либо занятий была стандартной практикой на французских юридических факультетах в XVII веке⁵⁷ (не говоря уже о том, что некоторые молодые люди добивались особого права занимать должность без диплома). Джонатан Дьюалд утверждает, что дворяне мантии получали полное гуманитарное образование, а дворяне шпаги часто покидали коллегийум, так и не закончив учебу⁵⁸, но это не доказывает, что все дворяне мантии посещали коллегийум, поскольку гуманитарные предметы можно было изучать и с домашним учителем. Поэтому мы можем задаться вопросом: каков же был образовательный идеал дворян мантии? Был ли он таким же, как у дворян шпаги? А если нет, в чем заключалась разница?

Отчасти ответ на эти вопросы содержится в книге, впервые опубликованной в 1688 году Адрианом Байе⁵⁹. Байе служил Ламуаньонам, высокопоставленному семейству дворян мантии. В первой части статьи я объясню, кем были Ламуаньоны и почему их взгляды на образование могут считаться показательным примером взглядов дворян мантии. Затем я рассмотрю книгу Байе и проанализирую сформулированную в ней модель образования, что позволит мне оценить различия между моделью, изложенной в этой книге, и соответствующими взглядами дворян шпаги.

Семейство Ламуаньон де Бавиль

Взлет рода Ламуаньонов отражает подъем дворянства мантии в целом. В начале XVI века представители семейства Ламуаньон де Бавиль были мелкими землевладельцами и чиновниками низшего ранга на службе у высокопоставленного рода герцогов Неверских, а позднее они стали членами парижского парламента, высшего судебного органа во Франции в эпоху раннего Нового времени: вскоре членство в парижском парламенте стало передаваться по наследству⁶⁰. Первым представителем рода, сделавшим действительно заметную карьеру, стал Гийом де Ламуаньон (1617–1677). В 1658 году Мазарини и Людовик XIV назначили его первым президентом парижского парламента. Тогда же он достиг большой известности как литератор. В 1640 году он женился на Мадлен Потье, девушке из другой видной семьи дворян мантии, и породнился тем самым со многими заметными фигурами как в парижском парламенте, так

⁵⁶ Motley M. *Becoming a French aristocrat: the education of the court nobility. 1580–1715*. Princeton (N. J.), 1990.

⁵⁷ Brockliss L. W. B. *French Higher Education in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. A Cultural History*. Oxford, 1987. P. 79.

⁵⁸ Dewald J. *Aristocratic Experience and the Origins of Modern Culture. France 1570–1715*. Berkeley (Cal.), 1993. Зд. см. гл. III: Family, Education and Selfhood.

⁵⁹ Адриан Байе, более известный как автор биографии Декарта, опубликованной в 1691 году, был священником из епархии Бове, небольшого города к северу от Парижа. См.: Baillet A. *Abrégé de la vie de M. Baillet // Monnoye M. de La* (Dir.). *Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs*. Paris, 1722. T. I. S.p.

⁶⁰ См. о семье Ламуаньон недавнее, хотя, к сожалению, выполненное не на самом высоком уровне исследование: Lemoine Y. *La grande robe, le mariage et l'argent. Histoire d'une grande famille parlementaire, 1560–1660*. Paris, 2000. См. также: Vie de M. le Premier Président de Lamoignon, écrite d'après les mémoires du temps et les papiers de la famille pour être mise à la tête d'une édition nouvelle des Arrêts de Lamoignon. Paris, Nyon, 1781. Эта книга отсутствует в каталоге Французской национальной библиотеки, но ее содержание отражено в работе: Gaillard G.-H. *Vie ou éloge historique de M. de Malesherbes, suivie de la vie du premier président de Lamoignon*. Paris, 1805.

и при дворе. В числе его новых родственников был дядя Мадлен, Огюстен Потье, епископ Бовэ, передавший в 1650 году свою епархию племяннику, Никола Шуару де Бузенвалю. Так и возникли связи между Ламуаньонами и некоторыми клириками из епархии Бовэ, в том числе Адрианом Байе.

Двое из сыновей Гийома прожили достаточно долго и сделали карьеру в парламенте и на гражданской службе. Наиболее известен его младший сын, Никола де Бавиль (1648–1724), который в бытность «интендантом», то есть управляющим от лица короля в Южной Франции в 1685–1718 годах, прославился своей суровостью по отношению к протестантам. Что касается старшего сына, Кретьена-Франсуа де Ламуаньона (1644–1709), то он в 1666 году стал членом парижского парламента, в 1674-м – генеральным прокурором, а в 1690-м занял должность «президента в шапочке» (*président à mortier*)⁶¹. Среди его потомков – Гийом де Ламуаньон де Бланмениль (1683–1772), канцлер Франции, а также Кретьен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, друг и покровитель «философов», впоследствии защищавший Людовика XVI на суде и гильотинированный в 1794 году. Ламуаньоны, занимавшие высокие государственные посты и связанные многочисленными узами с другими высокопоставленными семьями, принадлежали к высшему слою дворянства мантии.

Подобной семье полагалось покровительствовать ученым людям. В числе друзей первого президента Гийома де Ламуаньона был знаменитый поэт Буало, посвятивший ему несколько своих трудов и регулярно организовывавший у него дома ученые и литературные встречи⁶². Сын Гийома, генеральный прокурор, последовал примеру отца. Он нанял Адриана Байе в качестве своего библиотекаря и воспитателя своего сына и позволил ему опубликовать ученые труды, которые составили ему славу покровителя учености и владельца большой библиотеки. Байе действительно был ученым. Хотя его происхождение было очень скромным⁶³, в юности он проявил столь выдающиеся умственные способности, что был отправлен в коллегию и стал священником в епископстве Бовэ. Когда в 1680 году Франсуа-Кретьен начал искать человека, который мог бы заведовать его библиотекой и воспитывать его сына, Годфруа Эрман⁶⁴, близкий друг Гийома, рекомендовал ему Байе, прославившегося своей ученостью уже в юном возрасте.

В качестве библиотекаря Байе отвечал не только за составление каталога книг. Он должен был помогать генеральному прокурору в поиске нужной информации среди этого огромного массива текстов. Таким образом, Байе приходилось оценивать каждую книгу, и, конечно, именно это привело его к коллекционированию мнений образованных людей об этих книгах. Итогом стал труд под названием *Суждения ученых*, впервые опубликованный в 1685–1686 годах⁶⁵. Два года спустя у того же издателя вышла книга о раннем обучении, посвященная воспитаннику Байе. Поскольку там описывались достижения этого конкретного мальчика, нет сомнения, что она печаталась с согласия его отца. Как сообщает биограф Байе, книга хорошо продавалась: многие родители и учителя хотели, чтобы их дети или ученики прочитали ее⁶⁶. Во-первых, она давала много примеров хорошего поведения; во-вторых, факт покровительства со стороны Ламуаньонов, конечно, сам по себе способствовал ее успеху. Именно эту книгу я и проанализирую в настоящей статье⁶⁷.

⁶¹ «Mortier» – черная шапочка с золотыми лентами, указывающая на высокий ранг магистрата, председательствовавшего на сессиях важнейших палат французских парламентов в раннее Новое время.

⁶² Adam A. Histoire de la littérature française au XVIIe siècle. Paris, 1956.

⁶³ Baillet A. Abrégé de la vie de M. Baillet. S.p.

⁶⁴ Baillet A. La Vie de Godefroy Hermant, docteur de la maison et société de Sorbonne, chanoine de l'Église de Beauvais. Amsterdam, 1717.

⁶⁵ Baillet A. Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs / Éd. par M. de La Monnoye: 4 tomes; 9 vols. in-12. Paris, 1685–1686.

⁶⁶ Baillet A. Abrégé de la vie de M. Baillet. S.p.

⁶⁷ Baillet A. Des enfans devenus celebres par leurs etudes ou par leurs ecrits. Paris, 1688. Воспроизведено в: Idem. Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs. Paris, 1722. T. VI (доступен: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k113888h>). Послед-

Почему полезно начинать обучение в раннем возрасте

Воспитанником Байе был юный Кретьен де Ламуаньон, маркиз де Бавиль, к которому Байе часто обращается по ходу книги с глубоким уважением и нежностью. Цель книги – помочь мальчику противостоять тем людям, которые предостерегают его от раннего обучения, будто бы представляющего угрозу детскому здоровью и благополучию. Эти люди именуются «противниками обучения», но никогда не называются по имени, возможно из уважения. Мы можем предположить, что против раннего обучения выступали представительницы женской части семьи, более озабоченные физическим здоровьем ребенка, чем его будущей карьерой в парламенте, но это всего лишь предположение. В любом случае способ борьбы с ними, избранный Байе, состоял в том, чтобы собрать воедино как можно больше примеров ценных трудов, написанных очень молодыми людьми. Отсюда и название книги – *О детях, ставших знаменитыми благодаря своей учебе и сочинениям*, отсюда и ее содержание. Байе не только приводит множество примеров успешной учебы молодых людей (почти всегда мальчиков и молодых мужчин, лишь маленький фрагмент книги посвящен девочкам)⁶⁸, но и старательно подчеркивает те случаи, когда эти люди жили долго и счастливо.

Суждения ученых стали результатом работы Байе в качестве библиотекаря, а его книга о раннем обучении свидетельствует о его деятельности в качестве наставника. Рассказывая о сочинениях молодых людей Античности и Нового времени, Байе нередко напрямую обращается к своему ученику, напоминая о том, что он читал или говорил в прошлые годы. Мы узнаем, к примеру, что Кретьен де Ламуаньон плакал, читая отрывок из *Наставлений* Квинтилиана, где автор рассказывает о смерти своего сына⁶⁹. В восемь лет Кретьен развлекался, применяя на практике правила, изложенные в книжке о латинском стихосложении⁷⁰. Такая игра, однако, по словам Байе, была доступна лишь детям, хорошо знакомым с Вергилием и Горацием⁷¹, а стало быть, восьмилетний мальчик прочел этих авторов хотя бы частично. Поэтому мы можем предположить, что латынь он начал изучать намного раньше. Конечно, он учил и греческий: на определенном этапе Байе напоминает, какое удовольствие доставило мальчику чтение рукописного сборника греческих стихотворений, составленного французским поэтом Баифом в XVI веке и показанного ему знаменитым филологом Дю Канжем⁷². Перечисление всех достижений мальчика, о которых говорит книга, займет слишком много времени, и я ограничусь тем, что приведу еще один пример. В перерывах между занятиями Байе писал книгу, а Кретьен де Ламуаньон читал сборник латинских надписей и в одной из них нашел еще одно имя для списка молодых писателей, составлявшегося его наставником: имя римского мальчика, выигравшего приз на поэтическом состязании в эпоху Римской империи. Байе вставил это имя, а также ученое рассуждение о дате состязания в конце первого издания своей книги⁷³ (вполне возможно, что книга печаталась постепенно, по мере того как Байе ее дописывал) и

нее обращение: 30.03.2016). Все библиографические ссылки в настоящей статье относятся к этому изданию, поскольку оно доступно в интернете; оно подверглось редактированию со стороны другого ученого, Ла Моннуа, который, не меняя содержания, добавил замечания, иногда корректировавшие Байе в некоторых вопросах. Впервые книга была напечатана в Париже у Дезалы (Paris, 1688). В 1725 году *Jugemens des savans* были переизданы в Амстердаме. Я сравнила три издания, убедившись, что в содержании текстов нет различий.

⁶⁸ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 182–185.

⁶⁹ Ibid. P. 24.

⁷⁰ Это была книга Карамуэля: [Caramuel J.] Joannis Caramuelis primus calamus ob oculos ponens metametricam quae variis currentium, recurrentium, adscendentium, descendendum necnon circumvolantium versuum ductibus... multiformes labyrinthos exornat. Rome, 1663 (T. I); [Caramuel J.] Joannis Caramuelis primus calamus, tomus II, ob oculos exhibens rhythmicam, quae hispanicos, italicos, gallicos, germanicos, etc. versus metitur... Editio secunda. Campaniae, 1668 (изд. 2-е; T. II).

⁷¹ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 170.

⁷² Ibid. P. 85.

⁷³ Во втором издании Ла Моннуа переместил его на место, соответствующее хронологии (Ibid. P. 15–16).

не преминул упомянуть в этом рассуждении достижение своего ученика. Возможно, с его стороны это не было лестью. Есть косвенное указание на то, что юный Ламуаньон и правда был известен своей ученостью (которое показывает, насколько близкими были отношения между Ламуаньонами и семейством Ле Телье, родственниками министра Лувуа): именно Кретъен де Ламуаньон открывал заседание, на котором публично экзаменовали 12-летнего сына Лувуа, ставшего библиотекарем короля в возрасте девяти лет⁷⁴.

Таким образом, образование Кретъена де Ламуаньона действительно следовало схеме, созданной такими педагогами-теоретиками раннего гуманизма, как Эразм или Хуан Луис Вивес, и воплощенной в многочисленных коллегиумах, открытых в XVI–XVII веках. В них питомцев стремились научить латыни и греческому так, чтобы они в полной мере могли понимать труды древних. Тем не менее в ряде аспектов образование юного Ламуаньона отличалось от того, что мог дать коллегиум. Во-первых, серьезное обучение началось гораздо раньше: как мы увидели, мальчик к восьми годам уже успел прочесть Вергилия и Горация. Кроме того, это образование включало в себя французский язык и историю – предметы, которые Байе считал не менее необходимыми, чем латынь. Мы знаем об этом, потому что Байе снабдил свою книгу собственными многочисленными замечаниями и размышлениями. На определенном этапе он предложил даже собственный план идеального воспитания. В его представлении оно должно начинаться рано, опираться на живость чувств детей и использовать их вкус к играм. Детей нужно учить географии, музыке и анатомии, а также ознакомить их с разными видами оружия, зданиями, памятниками, важными личностями, костюмами, животными и растениями. Религия отдельно не упоминается, поскольку для Байе как для священника было самоочевидным, что она должна быть частью образования. Хотя он и черпал свои примеры среди представителей самых разных верований – христиан и язычников, католиков и протестантов, – Байе никогда не забывал напомнить своему ученику, что католицизм – единственная истинная религия.

Когда мальчик подросток, он занялся изучением истории, мифологии, управления, генеалогии важнейших родов и самых распространенных языков, как мертвых, так и живых⁷⁵: эта программа включала в себя множество предметов, совершенно незнакомых ученикам тогдашних коллегиумов. Дело в том, что их программа ограничивалась пятью-шестью годами изучения гуманитарных наук, а именно латинской и греческой грамматики и риторики, которые преподавали на основе лучших трудов древних авторов⁷⁶. В коллегиумах, предлагавших полный курс обучения, кроме этого преподавали философию, то есть логику, этику, физику и метафизику, на что уходило два дополнительных года; однако на протяжении большей части XVII века учителя философии были вынуждены следовать Аристотелю⁷⁷. Таким образом, живые языки, новая история и современная на тот момент наука не были частью программы обучения в коллегиумах, если не считать тех учеников, у которых были дополнительные частные наставники⁷⁸. Неудивительно, что Байе относился с глубоким презрением к тому образованию, которое давали коллегиумы. С его точки зрения, оно было неэффективно и не учитывало индивидуальные склонности и таланты учеников, не каждому из которых, как считал Байе, могли

⁷⁴ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 180. Юный библиотекарь сдавал экзамен на знание Гомера. На экзамене присутствовали очень заметные люди, такие как сам министр Лувуа или епископ Боссюэ, наставник сына короля: Histoire de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres. T. V. Paris, 1729. P. 369. О назначении сына Лувуа см.: Delatour J., Sarmant T. La charge de bibliothécaire du roi aux XVIIe et XVIIIe siècles // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1994. Vol. 152. № 2. P. 465–502.

⁷⁵ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 194–195.

⁷⁶ Garin E. L'Educazione in Europa, 1400–1600, problemi e programmi. Bari, 1957 (1-е изд.). Dainville F. de. Les Jésuites et l'éducation de la société française. La Naissance de l'humanisme moderne. Paris, 1940; Idem. L'éducation des Jésuites, XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 1978; Grafton A., Jardine L. From humanism to the humanities. Cambridge (MA), 1986; Brockliss L. W. B. French Higher Education.

⁷⁷ Преподавание идей Декарта было запрещено Людовиком XIV.

⁷⁸ Bruter A. Collège jésuite // Compère M.-M. (Dir.). Les collèges français 16e–18e siècles. Répertoire 3 – Paris. Paris, 2002. P. 359–396, особенно p. 389–391.

подойти действовавшие в коллегии правила⁷⁹. Более того, он называл учеников коллегий «галерными рабами», считая, что они тратят слишком много времени – семь или девять лет – на получение знаний, которые можно освоить гораздо быстрее⁸⁰. Третьей причиной его негативного отношения к коллегиям был запрет на использование там французского языка: «Таким образом, – писал он, – молодому французу не стоило надеяться, что ему будет позволено свободно изучать французский язык и учиться правильно говорить на нем»⁸¹. В то же время Байе считал, что большинству домашних учителей доверять нельзя: он очень живо описывал, как недостойные люди обманчивыми речами соблазняют наивных родителей, чтобы те доверили им своих чад⁸². Поэтому он решительно выступал за домашнее образование под родительским контролем или, еще лучше, под руководством самого отца. В книге постоянно восхваляются отцы, самостоятельно обучающие своих детей.

Конечно, ему пришлось признать, что некоторые отцы бывают заняты другими, более важными делами: к примеру, глава парижского парламента Гийом де Ламуаньон или его сын, генеральный прокурор. Будущий прокурор был отправлен в иезуитский коллегий в Клермоне, как минимум для изучения философии (мы знаем, что он в итоге защитил в этом коллегии диссертацию по математике⁸³), поскольку это было необходимо для получения университетского диплома. Однако ни Гийом, ни Кретьен-Франсуа не воспитывали своих сыновей сами по весьма уважительной причине, подчеркивает Байе: они посвятили все свое время служению обществу. Но хотя Гийом де Ламуаньон не смог самостоятельно дать образование своему сыну, он намеревался стать наставником своего внука, чему помешала лишь его преждевременная смерть⁸⁴. Похоже, призыв Байе к домашнему образованию вполне отвечал образовательному идеалу семьи Ламуаньон.

Можем ли мы считать, что подобные идеи были свойственны всем дворянам мантии или по крайней мере самым высокопоставленным семьям, относившимся к их числу? Почти все примеры раннего обучения, которые приводит Байе, относятся к дворянам мантии. Единственное исключение – незаконнорожденный сын короля Людовика XIV герцог Мэнский, сочинения которого, написанные в семилетнем возрасте, были опубликованы за несколько лет до того, как Байе написал свой труд⁸⁵. Конечно, Байе упоминает герцога Мэнского и говорит о нем с большим уважением, как того и требовал придворный этикет. Однако это единственный дворянин шпаги в перечне тех, кого Байе приводит в пример своему воспитаннику. Более того, в нашем распоряжении есть и другие примеры того, как в эпоху Людовика XIV мальчики, которых готовили к карьере юриста, получали аналогичное образование. Один из них – Анри-Франсуа д'Агессо (1668–1751), впоследствии канцлер Франции. Он тоже был отпрыском высокопоставленного семейства: его отец, рекетмейстер Анри д'Агессо (1638–1716), получил от Кольбера и Людовика XIV должность интенданта, а впоследствии стал членом Государственного совета. Хотя до нас не дошло сведений о его образовании, Анри-Франсуа сообщает о нем несколько фактов из биографии своего отца, который сам (при помощи наставников) обучал своих детей и даже брал их с собой в дальние деловые поездки и учил их во время путешествия в карете⁸⁶. Обучение заключалось прежде всего в том, чтобы дать мальчику твердое знание

⁷⁹ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 110.

⁸⁰ Ibid. P. 170.

⁸¹ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 77.

⁸² Ibid. P. 98–100.

⁸³ Dupont-Ferrier G. Du collège de Clermont au lycée Louis-Le-Grand. T. III. Paris, 1925. Appendice I: Thèses et exercices publics au collège de Clermont et Louis-Le-Grand (1589–1754). P. 278, № 24. Lamoignon Ch.-F. de. Agones mathematici ad arcem copernicani systematis expugnatam in Collegio claromontano. Paris, 1663.

⁸⁴ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 230–233.

⁸⁵ Bourbon Louis-Auguste de, duc du Maine. Œuvres diverses d'un auteur de sept ans. S. l., s. n., s. d.

⁸⁶ Aguesseau H.-F. d'. Discours sur la vie et la mort de mon père // Aguesseau H.-F. d'. Œuvres d'Aguesseau, précédées d'une

латинского и греческого языков, но включало и ряд более современных предметов, например историю. Когда впоследствии Анри-Франсуа составлял программу обучения для собственного сына, закончившего в итоге курс гуманитарных наук и философии, он высказывал аналогичные идеи⁸⁷. Предметы, которые молодой человек должен был изучить сам, включали в себя не только религию и право, но и историю, а также *belles-lettres*, то есть греческую, латинскую и французскую литературу. Мы видим, что идеал образования у д'Агессо и Ламуаньонов оказывается очень похожим. В обоих случаях можно наблюдать сильную склонность к гуманитарным дисциплинам, стремление быть в курсе современных научных знаний, почтение к отцу (на что указывает обычай писать его биографию⁸⁸), а также готовность отца лично заниматься обучением сына.

Конечно, не все дворяне мантии реализовывали подобный идеал на деле: кому-то не хватало времени, кому-то – способностей. В то же время среди дворян мантии, передававших своим сыновьям в наследство свое положение на королевской службе, было обычным делом завещать сыновьям и свою библиотеку⁸⁹, в данном случае выступающую символом образования, которое наследник уже получил или должен был получить. Отсюда можно сделать вывод, что многие, хотя, разумеется, и не все дворяне мантии разделяли приверженность эрудиции, лежавшей в основе образовательной программы Байе и образовательных практик в семьях Ламуаньон и д'Агессо.

Противоречие двух идеалов образования?

Насколько сильно этот идеал образования отличался от того, которому было привержено дворянство шпаги? Мы увидим, что между ними есть как яркие различия, так и существенные сходства.

С одной стороны, эти идеалы были прямо противоположны в отношении физического воспитания. Дворяне шпаги ценили физические навыки и считали необходимым, чтобы их сыновья научились верховой езде, фехтованию и другим подобным «искусствам». Описывая идеального придворного, Никола Фаре в 1630 году заявил, что природное призвание дворянина – быть военным, и добавил, что «неумение ездить верхом или обращаться с оружием не просто очень невыгодно дворянину, это постыдное невежество, поскольку речь идет о самой основе его профессии»⁹⁰. Многих мальчиков, конечно, куда больше привлекала физическая активность, нежели изучение латыни. Примером может служить Луи-Анри Ломени де Бриен (1635–1698): его отправили в коллегиум, но сам он гораздо больше любил упражнения с мушкетом по выходным в компании шестилетнего короля и его пажей, чем ученические будни в коллегиуме⁹¹. Однако программа физического воспитания, описанная Фаре, выходила далеко за рамки военной подготовки в узком смысле: он рекомендовал заниматься еще и охотой, танцами, игрой в мяч, борьбой, прыжками, плаванием, стрельбой и т. д.⁹² Физические упражнения были, безусловно, необходимы, поскольку проявление телесной силы и грации высоко ценилось в обществе, по-прежнему опиравшемся на личные связи. Поскольку при дворе часто ста-

étude biographique par M. E. Falconnet. T. I. Paris, 1865. P. 449.

⁸⁷ Aguesseau H.-F. d'. Instructions sur les études propres à former un magistrat // Ibid. T. II. Paris, 1865. P. 51–208.

⁸⁸ По поводу этого обычая в семье Ламуаньон см.: Vie de M. le Premier Président de Lamoignon écrite d'après les mémoires du temps et les papiers de la famille. Paris, 1781. P. viii.

⁸⁹ Примеры такой практики можно найти в сборнике работ: Descimon R., Haddad É. (Eds.). Épreuves de noblesse. P. 101, 111, 137.

⁹⁰ «De n'être pas bien à cheval & de ne sçavoir pas faire des armes, ce luy est non seulement un notable desavantage, mais encore une ignorance honteuse, puisque c'est ignorer les principes essentiels de son mestier». См.: Faret N. L'Honnête homme. P. 26.

⁹¹ Loménie B. L.-H. de. Mémoires de Louis-Henri de Loménie, comte de Brienne, dit le Jeune Brienne, publiés d'après le manuscrit autographe pour la Société de l'histoire de France, par Paul Bonnefon. Paris, 1916–1919: T. I–III. Здесь: T. I. Paris, 1916. P. 65.

⁹² Faret N. L'Honnête homme. P. 27.

вился балет, особенно важны были танцы⁹³. Поэтому и пансионеры иезуитского коллегиума Людовика Великого в Париже также учились и танцам, и музыке, и рисованию, и даже ставили балеты для публики⁹⁴.

Соответственно, многие мальчики из числа дворян шпаги покидали коллегиум после нескольких лет учебы и отправлялись в «академии», где они могли упражняться в верховой езде, фехтовании и танцах, а также учиться вести себя среди равных и при дворе⁹⁵. Байе нигде не говорит о необходимости приобретения подобных физических или социальных навыков, но это не означает, что мальчиков из семьи Ламуаньон им не учили: просто Байе, будучи священником, не мог сам быть наставником в подобных вопросах. Тем не менее это показывает, насколько мало Байе ценил достижения подобного рода. Более того, один из его примеров, известный ученый Пейреск, с сильной неохотой отправился в академию, куда его послал дядя-опекун, поскольку главным его интересом было приобретение знаний⁹⁶. Столь заметная разница двух моделей образования, по-видимому, указывает на то, что от двух групп дворянства ожидалось различное поведение. Вероятно, предполагалось, что магистраты, в отличие от дворян шпаги, будут держать себя степенно и сдержанно.

Другое различие двух моделей было связано с отношением к гуманитарным предметам. Хотя учить латынь и гуманитарные науки должны были и дворяне шпаги, и дворяне мантии, первые довольствовались поверхностными знаниями, а от вторых ожидалось, что они будут настолько учеными, насколько это возможно. Как я указывала выше, французские дворяне шпаги долгое время не ценили знание литературы, считая, что она бесполезна для военных. Однако и положение дворян шпаги, и их взгляды заметно менялись по мере того, как росла власть абсолютного монарха и все большее значение приобретала придворная жизнь. В эпоху Людовика XIV от дворянина уже ожидали некоторого знакомства с гуманитарными науками, хотя и не особенно обширного. Как пишет Фаре, «достаточно того, чтобы у него было некоторое представление о наиболее приятных (*agréables*) темах, которые иногда занимают хорошее общество»⁹⁷. Дело в том, что дворянин использовал свои знания отнюдь не так, как судья или адвокат. От придворного ждали, что он покажет хороший вкус в разговорах о живописи, пьесах или геральдике, для чего он и должен был в какой-то степени владеть латинским языком и иметь некоторое представление о мифологии и истории Древнего Рима. Посол или военный использовали латынь как обычное для того времени средство международного общения. Поэтому не стоит удивляться, что Клод Флери, бывший наставник принцев и автор популярного педагогического трактата, опубликованного в 1686 году⁹⁸, постоянно подчеркивает, что латынь нужна дворянам шпаги лишь во время путешествий, то есть для общения с иностранцами, поскольку труды древних авторов можно прочитать и в хороших переводах⁹⁹.

Все это полностью соответствует наблюдению Марка Мотли, заметившего, что «придворная аристократия, безусловно, так и не стала относиться к классической древности с тем глубоким почтением, которое было столь распространено среди магистратов и учителей»¹⁰⁰. Напротив, как не раз повторял Байе, Кретьену де Ламуаньону, как будущему магистрату, пред-

⁹³ См.: *Apostolidès J.-M.* Le roi-machine. Spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 1981.

⁹⁴ *Bruter A.* Collège jésuite. P. 391.

⁹⁵ *Motley M.* Becoming a French aristocrat. *Doucet C.* Les académies équestres et l'éducation de la noblesse (XVIe—XVIIIe siècle) // *Revue historique*. 2003. Vol. 305. № 4 (628). P. 817–836.

⁹⁶ *Baillet A.* Des enfants devenus célèbres. P. 111.

⁹⁷ «[...] c'est assez qu'il ait une médiocre teinture des plus agréables questions qui s'agissent quelquefois dans les bonnes compagnies». См.: *Faret N.* L'Honnête homme. P. 49.

⁹⁸ Флери был воспитателем принцев де Конти, а затем одного из побочных сыновей Людовика XIV. Впоследствии он будет участвовать в воспитании внуков Людовика XIV под началом Фенелона. Ему принадлежит сочинение *Fleury C.* Traité du choix et de la méthode des études. Paris, 1686.

⁹⁹ *Ibid.* P. 209, 239.

¹⁰⁰ *Motley M.* Becoming a French aristocrat. P. 79.

стояло однажды взяться за изучение «тернистой науки» юриспруденции¹⁰¹. Стало быть, ему было необходимо как следует изучить латинский язык, чтобы не потеряться в закоулках римского права и юриспруденции, следуя в этом примеру знаменитых гуманистов-правоведов XVI столетия¹⁰². Даже Флери признавал пользу латинского языка для судей и адвокатов, которая объяснялась важностью римского права¹⁰³.

Хотя между образовательными идеалами дворян мантии и дворян шпаги действительно были различия, их не следует преувеличивать. В некоторых отношениях эти идеалы были похожи. Прежде всего, и одни, и другие хотели выйти за рамки программы коллегийумов. Правда, Байе ни разу не упоминает математику, которую приходилось учить будущим военным: именно в эту эпоху артиллерия и фортификация стали важной частью военного искусства. Все остальные предметы, которые Байе перечисляет в своем описании идеального образования, рекомендовали также и дворянам шпаги, в особенности изучение современных языков. Так, Флери отмечает, что молодые дворяне должны выучить немецкий, итальянский и испанский языки¹⁰⁴. Особенную важность для дворян шпаги приобрело умение говорить и писать на хорошем французском: королевство гордилось расцветом национальной литературы, которая, как считалось, ничем не уступает античной. Возможно, они считали, что должны поддержать стремление своих соотечественников к литературному совершенству. Что более вероятно, они знали, что для жизни при дворе им потребуются не только хорошие манеры, но и умение вежливо изъясняться. Формального обучения французскому языку в это время не существовало. Тем не менее аристократы заботились о том, чтобы их чада были окружены людьми, которые говорили на хорошем французском и могли научить их правильному произношению¹⁰⁵. Когда дети подрастали, их наставники, обучая их латыни, делали упор на перевод, что позволяло им усовершенствовать и французский язык учеников – как орфографию, так и пунктуацию¹⁰⁶. Более того, другие предметы – историю, географию, геральдику, математику – им преподавали именно на французском языке. Когда Флери рассуждал о преподавании риторики, он тоже считал, что учеников нужно учить говорить и писать по-французски¹⁰⁷. Однако программа коллегийумов была построена только на обучении латыни¹⁰⁸. Многие дворяне шпаги разделяли взгляды Байе на недостатки образования в коллегийумах, полагая, что «обучение на латинском языке приводит к грубости и педантизму в манерах»¹⁰⁹. Аристократы стремились избежать этих недостатков, воспитывая детей дома или посылая их в особые коллегийумы, принимавшие учеников, которые вдобавок к базовой программе обучались бы еще и у частных учителей. Франсуа-Кретьен де Ламуаньон и Анри д'Агессо выбрали первый вариант, но многие дворяне мантии, в том числе первый президент де Ламуаньон и Анри-Франсуа д'Агессо, выбрали второй.

Главное же сходство двух моделей образования заключается в использовании примера предков ученика как модели для подражания. Дворяне шпаги гордились деяниями своих предков и убеждали своих детей следовать им. Байе тоже пользовался своим собранием имен и жизнеописаний молодых писателей, чтобы вдохновить Кретьена де Ламуаньона на подражание его предкам, хотя их деяния лежали в сфере учености, а не на поле брани. Правда, рас-

---

¹⁰¹ *Baillet A.* Des enfans devenus celebres. P. 26, 81.

¹⁰² См.: *Kelley D. R.* Foundations of modern historical scholarship. Language, law and history in the French Renaissance. NY; London, 1970.

¹⁰³ *Fleury C.* Traité du choix. P. 210.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 282.

¹⁰⁵ *Motley M.* Becoming a French aristocrat. P. 71–77.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 93.

¹⁰⁷ *Motley M.* Becoming a French aristocrat. P. 241.

¹⁰⁸ Во Франции XVII века греческий язык преподавался все реже.

¹⁰⁹ *Motley M.* Becoming a French aristocrat. P. 69.

суждая о Пьере де Ламуаньоне, жившем в XVI веке, Байе принимает позу беспристрастности и пишет о нем исключительно как о писателе, а не как о члене семьи Кретьена¹¹⁰. Однако от этой беспристрастности не остается и следа, когда речь заходит о двух других героях его книги – Жероме Биньоне и Гийоме де Ламуаньоне. Они оба были знамениты своей ученостью, и оба достигли вершин карьеры: Биньон стал генеральным прокурором (в 1623–1656 годах), а Гийом де Ламуаньон – главой парижского парламента. Байе призывал своего ученика подражать в первую очередь именно этим образцам.

Биньон представлял собой проблему потому, конечно, что не принадлежал к семейству Ламуаньон. Однако он был другом Гийома де Ламуаньона и в некотором роде «вошел в семью». Во всяком случае, именно так об этом писал Байе¹¹¹, хотя у нас создается впечатление, что произошло обратное: Ламуаньоны присвоили Биньона в качестве почетного предка своей семьи. Гийом де Ламуаньон учил сына равняться на Биньона, и его сын учил своего сына тому же. Байе сказал своему ученику, что однажды он унаследует портрет Биньона, который Гийом почитал одной из главных имевшихся у него ценностей: следовательно, мальчик должен был брать пример с Биньона в том, что касалось образованности и добродетелей¹¹². Интересно отметить, что Ламуаньоны были не единственным семейством, которое использовало имя Биньона для улучшения своего имиджа. Ученый Жиль Менаж в книге по семейной генеалогии, которую он написал для своего племянника, хвастался, что его отец, адвокат в провинции Анжу, был любимцем Ролана, отца Жерома Биньона¹¹³. По всей видимости, связь с Биньонами придавала дополнительный блеск семье Менаж, занимавшей куда более скромное положение среди дворян мантии, чем Ламуаньоны, и стремившейся поэтому отнестись такую связь в более далекое прошлое. Изучение подобных связей с высокопоставленными предшественниками в других письменных трудах этого времени может немало рассказать как об отношениях между семьями дворян мантии, так и об их образовательных стратегиях.

Самым главным образцом для подражания, предложенным Байе, был, конечно, сам Гийом де Ламуаньон. На самом деле Гийом не был вундеркиндом, во-первых, потому, что его мать считала, что единственное, чему важно научить ребенка, – религия, а во-вторых, потому, что его наставник был некомпетентен¹¹⁴. Тем не менее Байе включил его в свою книгу вместе с другими людьми, которые начали учиться поздно и очень сожалели об этом. Список этих людей заканчивает книгу. Он начинается с Сократа и Платона и, в хронологическом порядке, заканчивается Гийомом де Ламуаньоном. Хотя и помещенный в конец списка, Гийом тем не менее занимает в книге много места. Байе посвящает ему больше текста, чем кому-либо другому, и описывает его в стиле близком к агиографии. Прежде всего, при помощи образа Гийома де Ламуаньона Байе пытается увлечь ученика, подчеркивая любовь к нему деда и его надежды на прекрасное будущее внука¹¹⁵. И дело не только в том, что Гийом де Ламуаньон хотел быть наставником своего внука¹¹⁶, а мальчик должен был однажды унаследовать портрет Биньона, который его дед так ценил¹¹⁷, но и в том, что он должен был стать и наследником библиотеки (которая, как и картина, на момент написания книги принадлежала его отцу)¹¹⁸. Подобно ему,

---

¹¹⁰ *Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 78–79.*

¹¹¹ *Ibid. P. 141.*

¹¹² *Ibid. P. 142.*

¹¹³ *Fumaroli M. L'Âge de l'éloquence. Rhétorique et «res literaria» de la Renaissance au seuil de l'époque classique. Genève, 1980. P. 588.*

¹¹⁴ *Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 224–225.*

¹¹⁵ *Ibid. P. 232.*

¹¹⁶ См. выше, сн. 10.

¹¹⁷ См. выше, сн. 62.

¹¹⁸ *Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 141–142.*

Франсуа-Анри д'Агессо, безусловно, тоже намеревался сделать своего отца образцом для собственных детей – и поэтому напрямую обращался к ним в его биографии.

В целом обе семьи приняли идеал династической преемственности от отца к сыну, типичный для дворян шпаги и для королевских семей, хотя он и противоречил традиционной преемственности, освященной обычаем, в которой женщины играли более важную роль¹¹⁹. Возможно, именно это объясняет происхождение семейного спора о том, насколько рано Кретьен де Ламуаньон должен был начать учиться. Можно предположить, что его мать заботилась о здоровье ребенка больше, чем о его будущей карьере. В любом случае, хотя Ламуаньоны и д'Агессо считали нужным изучать гуманитарные науки, эта модель династической преемственности некоторым образом трансформировала традиционную гуманистическую программу обучения. Домашнее образование или обучение в пансионе оказывались более предпочтительными, чем коллегий, так что модель образования приближалась к той, что была принята у дворян шпаги.

Итак, можно ли сказать, что образовательные модели дворян мантии и дворян шпаги противоречили друг другу в раннее Новое время? Они, несомненно, различались в XVI веке, когда обедневшие дворяне шпаги пытались вернуть себе богатство и власть в сражениях, а юристы погружались в свои штудии. Однако уже в следующем столетии две образовательные модели стали все больше напоминать друг друга: дворяне мантии, теперь наследовавшие свой статус, постепенно перенимали династическую модель, свойственную дворянам шпаги. Ориентация на примеры отцов и предков была очевидным образом позаимствована дворянами мантии именно у дворян шпаги и напоминает о неоднозначности дворянской идеологии. Считая себя более одаренными, чем обыкновенные люди, дворяне признавали и необходимость для наследников быть достойными своих титулов. В этом же ключе рассуждал и Гийом де Ламуаньон, намеревавшийся передать свои ресурсы, связанные с карьерой (библиотеку и портрет Биньона), старшему из своих наследников, но только при условии, что он будет образованным человеком. Если бы он им не стал, библиотека и портрет перешли бы следующему образованному человеку в семье¹²⁰. Как для дворян шпаги, так и для дворян мантии обучение детей означало моделирование их личности с целью подготовить их для предназначавшейся для них карьеры. Впрочем, это верно лишь до определенной степени. Личные склонности и пристрастия должны были приниматься во внимание, что косвенно подтвердил и сам Байе, радовавшийся любознательности своего ученика¹²¹.

Вместе с тем книга Байе – памятник той эпохи, когда власть дворян мантии достигла своего апогея. В карьере Гийома де Ламуаньона воплотилось их могущество, впоследствии по ряду причин ослабевшее. Или, если выразиться точнее, после того как Людовик XIV ограничил стоимость должностей, возник разрыв между двумя группами дворян мантии: теми, кого можно назвать «аристократией мантии» (генеральный прокурор и президенты палат парламента), и прочими членами парламента («советниками»)¹²². Ламуаньоны, безусловно, принадлежали к первой категории. Сохранили ли они верность латинской и греческой литературе в следующем веке? Воспитывали ли дворяне мантии, стоявшие ниже в иерархии, своих детей так же, как и Ламуаньоны? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимы дальнейшие исследования.

---

¹¹⁹ Descimon R., Geofroy-Poisson S. La construction juridique d'un système patrimonial de l'office. Une affaire de patrilignage et de genre // Descimon R., Haddad É. (Eds.). Épreuves de noblesse. P. 47–59.

¹²⁰ Baillet A. Des enfans devenus celebres. P. 141.

¹²¹ Ibid. P. 233–234.

¹²² Bennini M., Descimon R. Économie politique de l'office vénal anoblissant // Descimon R., Haddad É. (Eds.). Épreuves de noblesse. P. 31–45.

Людмила Посохова

Нобилитация казацкой старшины Гетманщины и Слободской Украины и эволюция стратегий воспитания в ее среде в XVIII веке

В середине XVII века в результате событий Хмельниччины возникли такие историко-административные регионы, как Гетманщина и Слободская Украина¹²³, ставшие частью Московского государства. В силу этого сложилась иная политическая и социальная реальность, а казачество со временем переформатировалось и изменило свои функции. Новая социальная элита на указанной территории формировалась из казацкой старшины и частично из старой шляхты. Уже в конце XVII – начале XVIII века обозначилось ее обособление¹²⁴. В XVIII веке казацкая старшина проходила нобилитацию в Российской империи, в результате чего ее права стали тождественны правам российского дворянства. Процесс нобилитации повлиял на формирование представлений о воспитании детей, определил некоторые изменения или корректировку представлений о воспитании, уже существовавших в казацкой среде. Целью данного исследования является реконструкция стратегий и программ воспитания детей полковой и сотенной старшины Гетманщины и Слободской Украины в XVIII веке. В первой части статьи мы определим особенности казацкой старшины Гетманщины и Слободской Украины как социального слоя. Затем выделим «реперные» точки стратегий воспитания казацкой старшины (домашнее обучение; коллегиумы и университеты, специальные заведения для дворян). Наконец, в третьей части статьи кризис «латинского образования» будет соотнесен с поиском новых ориентиров, связанных с приобретением дворянского статуса.

«Новая шляхта»: полковая и сотенная старшина Гетманщины и Слободской Украины

Вопрос о воспитательных идеалах, стратегиях и программах воспитания довольно многочисленной украинской казацкой старшины на сегодня остается открытым. Исследователи, которые обращались к теме воспитания детей в семьях казацкой верхушки, делали это на примерах семей генеральной старшины (Ханенко, Марковича), то есть высшей прослойки общества. Поскольку таких семей было немного, есть основания полагать, что историки анализировали их особенный, порой уникальный опыт. Соответственно, его вряд ли уместно «механически» экстраполировать на представителей сотенной или полковой старшины (которая со временем станет уездным и губерньским средним и мелкопоместным дворянством).

В XVIII веке казацкая верхушка в целом переживала непростой процесс становления групповой идентичности¹²⁵. Многие историки считают, что в середине века она уже трансфор-

---

¹²³ Гетманщина – административно-территориальная единица в составе Российского государства, включавшая центральную часть современной Украины, на которую распространялась власть гетмана и которая имела ряд отличий в системе управления. Слободская Украина – историко-географическая область в восточной части современной Украины, также имевшая в XVIII веке отличия в системе управления.

¹²⁴ Процесс формирования «новой» украинской шляхты и ее интеграции в состав российского дворянства рассмотрен в ряде исследований: *Kohut Z. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s–1830s.* Cambridge, MA, 1988. (укр. пер.: *Козут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830.* Київ, 1996); *Козут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної і модерної історії України.* Київ, 2004. С. 46–79; *Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке.* Киев, 2012. С. 177–203.

¹²⁵ Тема становления групповой идентичности казацкой старшины пронизывает все исследование Сергея Плохия, посвященное «казацкому мифу», национальному вопросу и его отражению в «Истории русов». См.: *Плохий С. М. Козацький міф: історія та національні питання в епоху імперій.* Пер. з англ. Микола Климчук. Київ, 2013 (*Plokhyy S. The Cossack Myth. History*

мировалась в украинскую шляхту, которая отождествляла себя со знатью польского времени¹²⁶. Особенно стремительно процесс формирования шляхты протекал в Слободской Украине, территория которой, на границе со Степью, активно заселялась в XVII–XVIII веках. К особенностям этой украинской шляхты относится ее намного большее количество в сравнении с числом дворян в центральных районах империи, при значительно меньших размерах поместий и сравнительно небольшом количестве зависимых крестьян¹²⁷. Безусловно, эти обстоятельства влияли на выработку жизненных стратегий, среди прочего обуславливали желание небогатой шляхты идти на государственную службу¹²⁸. На этом фоне размышления казацкой старшины о воспитании своих сыновей как избранных представителей казачества особенно интересны¹²⁹.

При том что проблема формирования воспитательных идеалов казацкой старшины недостаточно исследована, в современной научной литературе распространено мнение, что в последние десятилетия XVIII века в вопросах воспитания детей она начала активно подражать российскому дворянству, в частности распространившейся моде на французских учителей, манеры, этикет¹³⁰. По сути, именно так ряд авторов формулируют воспитательные идеалы этой социальной группы. На наш взгляд, такое представление выглядит несколько упрощенным. Эти авторы не учитывают, что украинские земли в составе Речи Посполитой достаточно длительное время были частью так называемой «латино-христианской цивилизации». На этой территории успешно действовала сеть иезуитских коллегиумов¹³¹, протестантских гимназий, других школ, в которых на практике реализовывали сочетание принципов гуманитарно-филологического образования с религиозно-нравственным воспитанием, а теоретическим основанием выступали нормы *pietas litterata* («просвещенного благочестия»)¹³². О процессах культурной адаптации свидетельствует факт использования западноевропейских образовательных форм в практике православной церкви. Как известно, в XVII веке выдающийся деятель православной церкви киевский митрополит Петр Могила сумел использовать опыт и традиции иезуитских коллегиумов Речи Посполитой для создания сходных по форме православных учебных заведений, в результате чего возник Киевский коллегиум (затем академия)¹³³. По этому образцу в начале XVIII века были основаны и другие православные коллегиумы – Черниговский, Харьковский и Переяславский¹³⁴. Эти учебные заведения влияли на формирование

and Nationhood in the Age of Empires. New York, 2012).

¹²⁶ Козым З. Коріння ідентичності. С. 50–51.

¹²⁷ Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии // Киевская старина. 1897. № 1. С. 1–31, здесь с. 25–27; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153–169, здесь с. 162–164; Козым З. Коріння ідентичності. С. 42–43, 49, 60, 62.

¹²⁸ Козым З. Коріння ідентичності. С. 62.

¹²⁹ Вопрос о воспитании и образовании дочерей казацкой старшины не менее важен, однако он требует специального исследования. В данной статье речь будет идти исключительно о стратегиях воспитания сыновей.

¹³⁰ Дзюба О. М. Приватне життя козацької старшини XVIII ст. (на матеріалах епістолярної спадщини). Київ, 2012. С. 149–150; и др.

¹³¹ В иезуитских коллегиумах на украинских землях шляхетские дети составляли основной контингент (Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. Київ, 2012. С. 266–276).

¹³² Яковенко Н. Протестантські і католицькі школи. Замойська академія // Історія української культури: В 5 т. Т. 2: Українська культура XIII – першої половини XVII століть. Київ, 2001. С. 575–591, здесь с. 575–577; Пилипюк Н. Київські поетики і ренесансні теорії мистецтва // Європейське Відродження та українська література XIV–XVIII ст. Київ, 1993. С. 75–109, здесь с. 75–76; Pylypiuk N. The Humanistic School and Ukrainian Literature of Seventeenth and Eighteenth Century: Unpublished PhD dissertation. Harvard University, 1989. P. 241–301.

¹³³ Петру Могила посвящена обширная историография, в которой рассматриваются и вопросы, связанные с Киевским коллегиумом: Sevchenko I. The many worlds of Peter Mohyla // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 8. 1984. P. 9–44; Жуковский А. Петро Могила й питання єдності церков. Париж, 1969; Шарипова Л. Еще о «Человеке многих миров»: Петр Могила – традиционалист, реформатор, оппортунист // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 53–73.

¹³⁴ О специфике модели коллегиума и о процессе преподавания в православных коллегиумах см.: Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2011; Она же. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016; Она же. Православные коллегиумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями //

образовательных и воспитательных стандартов/идеалов шляхты, в том числе и новосозданной. Углубленное исследование православных коллегиумов позволило охарактеризовать их как феномены юго-западного вектора¹³⁵ продвижения европейского доклассического университета.

Безусловно, необходимо учитывать этот канал «вестернизации», что позволяет лучше понять процесс распространения новых культурных явлений в Центральной и Восточной Европе и установить тот социальный слой, который прежде всего их воспринимал.

Стратегии воспитания казачьей старшины: реперные точки

Поскольку представители полковой и сотенной казачьей старшины не оставили разрозненных педагогических текстов, для реконструкции основных стратегий и реперных точек воспитательных программ были собраны разрозненные рассуждения авторов воспоминаний, фрагменты переписки и других эго-документов. Так стало возможно восстановить сознательно принятую многими старшинскими семьями линию воспитания детей, включавшую институциональный аспект и формулировку целей воспитания. Важную роль для понимания этих процессов имеют также идеи, высказанные интеллектуалами, включенными в казачко-старшинскую среду.

Первый этап «программы» воспитания детей казачьей старшины – домашнее обучение. Отсутствие интереса исследователей к домашнему образованию объясняется акцентированным вниманием к общественным формам образования. В большинстве работ по истории образования в Российской империи, написанных в XIX – начале XX века, звучали выводы о том, что «как семейное, так и пансионное образование было мало удовлетворительно. Конечно, отдельной семье, живущей в провинции, нанять хороших учителей было не только трудно, но прямо невозможно»¹³⁶. Подобные оценки надолго закрепятся в историко-педагогической литературе. Хотя в последнее время европейские и российские историки начали проводить такие исследования, сдерживающим фактором для их развития называется немногочисленность и труднодоступность источников даже по отношению к семьям столичной русской аристократии конца XVIII века¹³⁷.

И все же отдельные свидетельства, упоминания и ремарки позволяют говорить о типичных, повторяющихся элементах и приемах воспитания в среде казачьей элиты. Важно отметить, что характерной чертой старшинского быта XVIII века были занятия со своими детьми грамотой на самом раннем этапе их обучения. Так, Илья Тимковский, сын подсудка поветового суда, впоследствии профессор Харьковского университета, писал, что основам церковнославянской грамоты его обучила мать¹³⁸. Затем, для более серьезной и систематической учебы, в качестве домашних учителей казачья старшина зачастую привлекала студентов православных коллегиумов или Киевской академии. С этими молодыми людьми заключался договор (так называемые «кондиции»), определявший условия и срок работы в качестве домашнего наставника. Это была традиционная практика, к которой прибегали как отдельные семьи казачьей

Ab Imperio. 2010. № 3. С. 85–112.

¹³⁵ В ходе реализации международного проекта «Ubi universitas, ibi Europa» было решено называть векторы трансфера по тому же принципу, что и для направления ветра (см.: *Посохова Л. Ю.* Трансформация образовательной традиции в Восточной Европе XVII–XVIII вв. // *Андреев А. Ю.* (Сост.), *Доронин А. В.* (Отв. ред. серии). «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М., 2009. С. 32–51, здесь с. 51; *Андреев А. Ю., Посохов С. И.* (Ред.). Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. С. 13.

¹³⁶ *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. СПб., 1909. С. 141.

¹³⁷ *Берелович В.* Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // *Карп С. Я., Мезин С. А.* (Отв. ред.). Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 318–329, здесь с. 318.

¹³⁸ *Тимковский И. Ф.* Мое определение в службу // *Москвитинин.* 1852. № 17. С. 27–48, здесь с. 4.

старшины, так и несколько семей, объединяя свои материальные ресурсы¹³⁹. Подчеркиваем, что это явление было характерно именно для украинских земель. Исследователи давно обратили внимание что заключение кондиций в XVIII веке не было распространенной практикой в великороссийских землях, поскольку значительно меньше была потребность общества в образовании, а также в силу «молодости» духовных школ¹⁴⁰

---

¹³⁹ Багалей Д. И. Исторические повести и статьи Г. Ф. Квитки // Киевская старина. 1893. № 8. С. 213–230, здесь с. 227.

¹⁴⁰ Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 273.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.